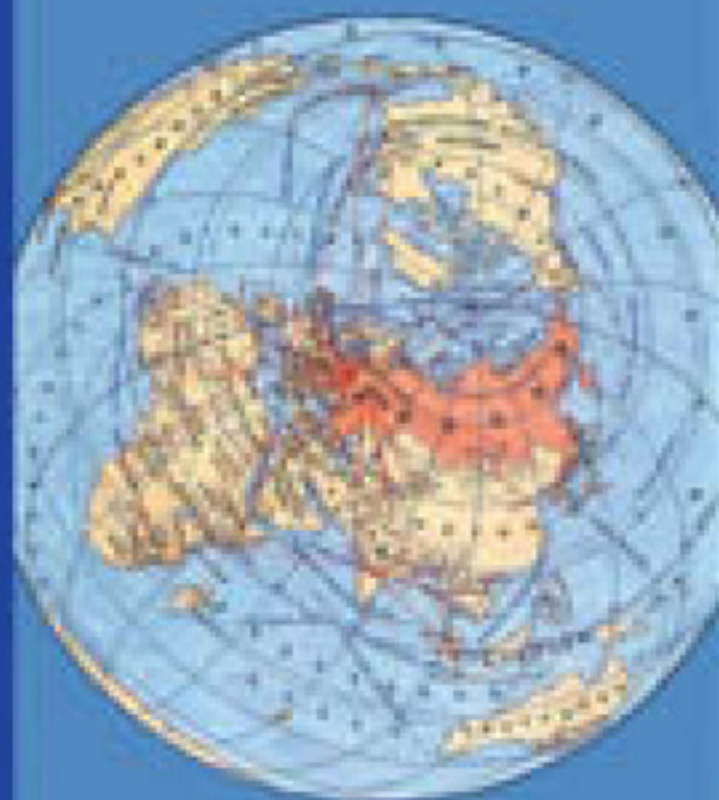

С. Н. Бабурин

МИР ИМПЕРИЙ

ТЕРРИТОРИЯ ГОСУДАРСТВА
И МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Сергей Бабурин

**Мир империй. Территория
государства и мировой порядок**

«Юридический центр»

2005

Бабурин С. Н.

Мир империй. Территория государства и мировой порядок /
С. Н. Бабурин — «Юридический центр», 2005

Рассмотрение проблем теории государства охватывает вопросы взаимосвязи территории и государства, территории и политического сознания, территориальных режимов и территориального разграничения. К первым относятся, в частности, территориальный суверенитет, территориальная юрисдикция, особые (специальные) правовые режимы. Ко вторым — неприкосновенность и целостность территории государства, установление границ континентального шельфа и морской экономической зоны, территориальные споры. К основным элементам мирового порядка относятся: государственно-территориальное устройство мира; традиции и принципы межгосударственных отношений; международный правопорядок как система глобальных общественных отношений, урегулированных правом; исторически обусловленные особенности внешней политики государств — мировых лидеров; степень глобальной экономической интеграции и разделения мира на зоны экономических интересов промышленно более развитых государств; соотношение социальных сил в каждую историческую эпоху как результат взаимодействия государств, международных движений, мирового общественного слияния и международных организаций. Мировой порядок XXI в. может быть объяснен только при соблюдении определенных геополитических аксиом, таких как цивилизационный баланс и территориальный консерватизм, военно-политическое сдерживание и демографическая гармония, глобальное энергетическое взаимодействие и объединение мировых сырьевых ресурсов. Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Бабурин С. Н., 2005

© Юридический центр, 2005

Содержание

Введение	6
Раздел I	9
Глава 1	9
1.1. Государство и пространство	9
1.2. Земля и территория	13
1.3. Юридические характеристики территории. Территория как элемент государства	17
1.4. Территория в политической науке (основы геополитики)	23
Глава 2	32
2.1. Территориальный суверенитет	32
2.2. Территория и нормы права. Юрисдикция государства	35
2.3. Неделимость и неотчуждаемость государственной территории	37
2.4. Союзное государство и проблема консолидированного суверенитета. Совмещенный суверенитет (кондоминиум)	40
2.5. Конфедерация	46
Глава 3	49
3.1. Формы территориальной организации общества и виды территории	49
3.2. Канонические и миссионерские территории	50
3.3. Государственная территория	53
3.4. Международная территория	54
3.5. Территория со смешанным режимом	54
3.6. Территория с переходным режимом	55
3.7. Административная территория	55
Глава 4	57
4.1. Состав и структура территории, их части и элементы	57
4.2. Сухопутная территория	58
4.3. Водная территория	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

С. Н. Бабурин

Мир империй. Территория государства и мировой порядок

Введение

*Ночь прошла, а день приблизился: итак, отвергнем дела тьмы и
облечемся в оружия света.*

*Евангелие от Луки. Послание к Римлянам // Новый Завет. Гл. 13,
Стих 12*

История давно подтвердила: ни государствам, ни народам не суждено жить вечно. Разрушение Советского Союза и последовавшая за этим трансформация международных отношений вновь привлекли всеобщее внимание к проблемам государственно-территориального миростроительства. Именно гибель СССР, а также близкий ей по механизму и историческому содержанию развал Социалистической Федеративной Республики Югославии более резко и системно, чем параллельное существование Северной и Южной Кореи, Северного и Южного Вьетнама, ФРГ и ГДР, поставили вопрос о территориальном сознании как основе государственной идеологии. Конфедеративные проекты объединения Кореи, объединение Германии, федерализация Европейского Союза, включение в состав НАТО новых государств-членов выдвинули на передний план необходимость более углубленного внимания к территориальной стороне политики.

Стремление индивида к счастью привело к созданию общества. Потребности общества в защите территории кочевий, а затем и территории оседлости земледельцев вызвали рождение государства. «Общее самообладание и общие интересы создают государство»¹, – писал Ф. Ратцель. Отношение народа к своей власти и территории определяло и определяет внутренний потенциал любой государственности. Необходимость обеспечения безопасности и взаимовыгодного сотрудничества современных государств, создание надгосударственных механизмов требуют выработки целостной и объективной, отвечающей потребностям сегодняшнего развития общества научно-правовой концепции территории.

Территория в ее политико-правовом смысле – это максимально зримая ипостась государства как самоуправляющейся системы. В ней наиболее емко ощущается такой признак системной организации, как целостность. При этом территория выступает как подсистема, относящаяся, как и государство, к особому классу материальных живых систем – к системам социальным. Территория государства, подобно другим творениям человека, является культурным феноменом² и возникает в силу действия естественно-исторических закономерностей, живет по социальным законам, является материальным отражением уровня развития цивилизации и находит свое воплощение в том или ином территориальном устройстве государства.

Рассмотрение проблем территории государства охватывает вопросы взаимосвязи территории и государства, территории и политического сознания, территориальных режимов и территориального разграничения. К первым относятся, в частности, территориальный суверенитет, территориальная юрисдикция, особые (специальные) правовые режимы. Ко вторым

¹ Ратцель Ф. Народоведение / Пер. с нем. В 2 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 140.

² Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. СПб., 2000. С. 19.

– неприкосновенность и целостность территории государства, установление границ континентального шельфа и морской экономической зоны, территориальные споры.

В этих вопросах – один из ключевых компонентов территориальной проблематики. Не случайно Х. Дж. Макиндер ужасался контрасту, заметному на политической карте Европы, отмечая различие между «огромными пространствами России, занимающей половину этого континента, с одной стороны, и группой более мелких территорий, занимаемых западноевропейскими странами, – с другой»³. «Если мы теперь обратим внимание на то, что главные черты истории, – писал в начале XX века Д. И. Менделеев, – определяются стремлением народов заполучить себе землю... то станет донельзя очевидно, хотя бы мы приняли во внимание и громадность наших бесплодных тундр, что наша земля представляет великий соблазн для большинства окружающих нас народов...»⁴. В начале XXI в. слова великого русского ученого звучат исключительно актуально.

Отмечая прямую связь между глобализацией и отрицанием территориального принципа организации государства, Е. С. Строев подчеркивает, что «глобальные финансы, торговля и информационная индустрия заинтересованы в закреплении политической фрагментации и ослаблении традиционной государственности»⁵.

Видение территориальной основы проблем межгосударственных отношений ведет к осмыслению элементов и систем мирового порядка, попыткам наметить геополитические особенности государств и сформулировать аксиомы политико-правового развития человечества. Так уж оказалось, что эти вопросы связаны не только с условиями, но и со смыслом самого существования многонационального народа России. Отсюда вполне конкретное политическое звучание работы.

Когда З. Бжезинский в 90-е гг. XX в. заявил, что у России больше нет концепции бытия и она по этой причине утратила право на жизнь⁶, то он выразил не только свою заветную мечту, но и мечту многих политиков, веками видевших в России досадную помеху своим устремлениям. Не случайно авторитетом по России для Бжезинского является русофоб А. де Кюстин⁷. Как писал уже после окончания Второй мировой войны другой ненавистник России Степан Бандера, «врагом был не только данный режим – царский или большевистский, не только государство и общественная система, а сама московская нация»⁸. И все же они слишком торопятся хоронить Россию. Не эмоциями, а аргументами хочется их всех огорчить.

При историософской правоте К. Д. Кавелина, утверждавшего в середине XIX в., что «дальнейший ход нашей истории и внутреннего развития есть тайна для нас самих»⁹, история любого государства имеет свою внутреннюю логику. В России, как и в любой другой стране мира, историю писали и пишут как национальную «биографию». Отсюда болезненная реакция общественного сознания на работы антиисторические по своей направленности. Чтобы понять суть нынешних отношений Российской Федерации с республиками Прибалтики, Украиной, Казахстаном, республиками Закавказья, надо сознать, что русская государственность зародилась свыше тысячи лет тому назад на берегах Днепра, и Киев по праву является «матерью городов русских». Необходимо уяснить, почему 450 лет тому назад началось движение России на запад, в чем был смысл политики Ивана Грозного и Петра Великого. Мы не можем утрати-

³ Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М., 2003. С. 12.

⁴ Менделеев Д. И. Заветные мысли. М., 1995. С. 204.

⁵ Строев Е. С. Самоопределение России и глобальная модернизация. М., 2001. С. 39.

⁶ Цит. по: Кризис в России: характеристики, тенденции развития, пути преодоления. Материалы научно-практической конференции, Москва, 10 декабря 1996 г. М., 1996. С. 20.

⁷ См.: Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке /Пер. с англ. New York: Liberty publishing house, 1989. С. 50.

⁸ Бандера С. 3 москалями нема спільної мови //Державність. 1992. № 4. С. 42.

⁹ Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 170.

вать понимание того, чем для России был выход к Балтийскому морю и что значил для России выход к Черному морю. Будем с преклонением перед предками помнить и тот факт, что государственные руководители Армении и Грузии еще 300 лет назад обратились к самодержцам России с просьбой принять их под свое христианское покровительство. Особый смысл – в движении России на восток, «приращение» ее Сибирью.

Замена Советского Союза несколькими самостоятельными государствами, рост нестабильности практически на всей территории прежнего СССР и катастрофическое снижение жизненного уровня большинства населения некогда великой державы, превращение русских в разделенную нацию – все это ставит непростые вопросы о путях выхода из кризиса, о самом геополитическом смысле России. Среди социальных, экономических, культурно-исторических и прочих аспектов этой проблемы особое значение имеют территориальные и этнические факторы российской государственности. Это тем более важно, что государство, по мудрому суждению К. П. Победоносцева, не может быть представителем одних материальных интересов общества; «в таком случае оно само себя лишило бы духовной силы и отрешилось бы от духовного единения с народом»¹⁰.

Если Россия не создаст достаточно надежной системы гарантий своей безопасности на путях равноправного партнерства с ведущими державами и своими непосредственными соседями, то в военной сфере она должна будет иметь большие и современно оснащенные Вооруженные силы и произвести с этой точки зрения переоценку заключенных ранее и в совсем иных условиях соглашений о сокращении и ограничении вооружений. В связи с этим важно определиться в краеугольных началах современной геополитики, осмыслить значение территориального фактора не только в осуществлении внутренних и внешних функций государства, но и в процессе современного развития человечества. Ныне как никогда злободневно звучат слова И. А. Ильина: «Только те из нас, которые потеряли живое чувство России или, может быть, никогда не имели его, которые не видят, а может быть, никогда не видели ее своеобразную проблематику (духовную и религиозную, психологическую и национальную, политическую и хозяйственную), могут думать, что Россия спасается какою-нибудь новою слепую форму западничества»¹¹. Решить свои проблемы Россия может только своими силами.

При всей привлекательности концепции древней истории России, предложенной А. Т. Фоменко, Г. В. Носовским и их последователями¹², поскольку ни ее справедливость, ни ее ошибочность не влияют на конечные выводы настоящего исследования, мы будем оперировать преимущественно традиционными историографическими аргументами. Вопрос о территории государства Русь-Орды и ее развитии¹³ требует отдельного разговора.

Нарастающее в мире новое государственно-территориальное переустройство вызвало потребность в обобщении ранее опубликованных мной работ¹⁴ и комплексном осмыслении более широкого круга вопросов. Сама жизнь выдвигает на передний план проблему империй и имперского отношения к миру. Не будем заглядывать далеко в будущее. Говоря о настоящем, признаем государство главной на сегодня формой существования человеческого общества, а, значит, подтвердим и особую роль его элементов – власти, населения и территории.

¹⁰ Победоносцев К. П. Сочинения. СПб., 1996. С. 271.

¹¹ Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 454.

¹² См., например: Фоменко А. Т. Основания истории. М., 2005; Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология Руси. В 3 т. М., 2004 и др. работы.

¹³ Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 75–85, 113–165.

¹⁴ Бабурин С. А. 1) Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997; 2) Территориальные режимы и территориальные споры (государственно-правовые проблемы). М., 2001.

Раздел I

Территория государства: основные характеристики

Глава 1

Понятие территории

1.1. Государство и пространство

Государство – понятие многогранное. Идея государства вытекает из самой глубины человеческого сознания, подчеркивал Л. А. Тихомиров, и является политической аксиомой, которая гласит, что именно в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, прав и свобод¹⁵. Определяя государство как общественный союз, представляющий собой самостоятельное признанное принудительное властвование над свободными людьми, Н. М. Коркунов видел в нем важнейшую форму человеческого общения¹⁶. В раннем марксизме государство рассматривалось обычно в качестве машины для осуществления власти над обществом, как аппарат классового принуждения, в марксизме «классическом» – как аппарат публичной власти в обществе, основное политическое орудие, посредством которого буржуазия осуществляет свое классовое господство над народными массами. Именно К. Маркс дал историко-материалистическое объяснение сущности государства – особого механизма, при использовании которого определенный социальный класс (или классы) становится в обществе политически господствующим¹⁷. Все обществоведы знали знаменитую фразу В. И. Ленина: «Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены»¹⁸. Для идеологии поздней КПСС государство было политической организацией народа, организацией государственного объединения масс¹⁹.

Государство служит связующей силой цивилизованного общества, как его назвал Ф. Энгельс, указав в качестве отличительной черты государства особый характер публичной власти, выделившейся из общества и ставшей над обществом²⁰. Вместе с тем оно является, по словам того же Ф. Энгельса, «государством исключительно господствующего класса и во всех случаях остается по существу машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса»²¹. Это укладывается даже в круговорот государственных форм, который в первом приближении конструировал еще Полибий²².

Несомненно, что «рождение» государства в качестве политико-правовой категории, его абстрагирование от других элементов политической системы характерно «лишь для нового времени, так как только для нового времени характерна абстракция частной жизни. Абстракт-

¹⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998. С. 37.

¹⁶ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 289, 295.

¹⁷ Подробнее см., напр.: Мамут Л. С. Проблемы теории государства в современной идеологической борьбе (против буржуазной критики взглядов К. Маркса на государство). М., 1976. С. 47, 48.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.

¹⁹ См.: Тихомиров Ю. А. Развитие научных знаний о социалистическом государстве // Политика мира и развитие политических систем. Ежегодник САПН. 1978 год. М., 1979. С. 34–40.

²⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 176.

²¹ Там же.

²² См.: Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. В 3 т. Т. II. (кн. VI–XXV). СПб., 1995. С. 8–16, 31–39.

ция *политического государства* есть продукт современности»²³. Не отрицая возможности понимания и современного государства как механизма в виде системы законодательных, исполнительных и репрессивных органов (органов принуждения), как свойства общества, видимой корпорации населения, «всеобщего», официального устройства общества и его политической структуры, как аппарата классового господства, машины классового насилия и в то же время органа управления обществом²⁴, все же достаточно часто, особенно в политической публицистике, государство воспринимают как синоним понятий «страна» или «общество».

Новое соотношение государства и общества, превращающее государство в орудие социального компромисса, пусть это, по мнению Ю. А. Тихомирова, и остается лишь тенденцией²⁵, заставляет говорить об обновленном наборе функций. Впрочем, Ю. А. Тихомиров прав, напоминая о сохраняющемся (если не растущем) противоборстве интересов²⁶.

Исходным в анализе государства и связанных с ним отношений является понятие власти. **Власть** — это общественное отношение, которое характеризуется способностью и возможностью одного человека или группы лиц добиваться осуществления своей воли другими людьми, группами людей, целыми народами и государствами. Любая общность людей предполагает отношения власти — подчинения — от семьи, дружеской компании до этнической общности и межгосударственных объединений. В организованном обществе власть выступает как коллективная сила. Именно власть воплощает волю суверена (монарха, нации), когда речь идет о тех или иных действиях государства, что и позволяет делать вывод о том, что воля государства — это человеческая воля.

Вершиной социально-политического развития стала политическая власть как господство определенной группы людей (элиты) над всем обществом, характеризующееся использованием в случае неповиновения насильственных принудительных средств²⁷. По утверждению Э. Ланга, в государстве «надлежит видеть институты (органы и лиц, занятых управлением), призванные играть роль регулятора, гарантирующего отдельные элементы общего блага»²⁸.

Политическая власть осуществляется через формирующиеся в ходе развития человечества многообразные политические институты, прежде всего через механизмы государства, партийные системы. Отношения и институты, связанные с функционированием политической власти в обществе, составляют в своей совокупности политическую систему²⁹. В современных международных отношениях механизмом осуществления политической власти все больше выступают международные организации (ООН и др.).

Объективно представляя собой, пространственные пределы осуществления государственной власти, территория закономерно ассоциируется с могуществом и величию государства, либо с его слабостью и уязвимостью. Не случайно именно пространство называют главным ресурсом для выживания народов, населявших Россию³⁰.

Представления о связи между властью и территорией вырабатывались постепенно, а не родились вместе с понятием государства³¹. Но *территория* — не просто *особого рода про-*

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 254–255. О государстве и его роли в обществе см. также: Мамут Л. С. Проблемы теории государства в современной идеологической борьбе (против буржуазной критики взглядов К. Маркса на государство). С. 44–81.

²⁴ Тененбаум В. О. Введение в общую теорию государства. Саратов, 1976. С. 94, 103.

²⁵ См.: Тихомиров Ю. А. Государственность: крах или воскрешение? // Сов. государство и право. 1992. № 9. С. 12.

²⁶ Там же.

²⁷ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: В 4 т. Т. 1 / Отв. ред. Б. А. Страшун. М.: БЕК, 1993. С. 160.

²⁸ Lang E. Staat und Kybernetik. Prolegomena zu einer Lehre vom Staat als Regelkreis. Salzburg. 1966. S. 72.

²⁹ См. также: Тихомиров Ю. А. Государственность: крах или воскрешение? С. 13–15.

³⁰ См.: Алисов Н. В., Хореев Б. С. Экономическая и социальная география (общий обзор). М., 2000. С. 58.

³¹ Вильсон В. Государство: Прошлое и настоящее конституционных учреждений / Пер. с англ. Под ред. А. С. Ященко. М., 1905. С. 7.

странство. Для нее характерны не только специфические пространственные критерии, но и многие другие характеристики. В их числе:

- 1) размеры, т. е. общая площадь;
- 2) протяженность с севера на юг и с востока на запад;
- 3) компактность, т. е. концентрированность в единое целое;
- 1) географическое положение на карте мира, в том числе наличие рек и выхода к морю. Еще Г. Гроций, анализируя способы приобретения власти над той или иной частью моря, выделил два: через деятельность находящихся в море людей, например флота, и опираясь на территорию, «поскольку с берега есть возможность оказывать принуждение на тех, кто находится в ближайшей части моря, в той же мере, как если бы они находились на самой земле»³²;
- 2) населенность (численность и плотность населения, его распределение по отдельным участкам территории);
- 3) климатические условия, на которые оказывают влияние приближенность к экватору или к одному из полюсов Земли, к морям или другим большим водоемам, нахождение в глубине или на краю континента (Л. И. Мечников, например, был уверен, что великие исторические цивилизации сосредоточены исключительно в умеренном климатическом поясе)³³;
- 7) особенности ландшафта (горы или низменности, болота или пустыни). Россия и Польша возникли на лесных прогалинах, писал Х. Дж. Макиндер³⁴;
- 7) плодородие и другие свойства почвы;
- 8) характер недр и степень их разработки (наличие полезных ископаемых, их доступность для разработки);
- 10) характер границ (юридически оформленные или фактически существующие, естественные или произвольные, надежно укрепленные или беззащитные);
- 11) характер сопредельных территорий (государственные или международные, с миролюбивыми или агрессивными политическими режимами);
- 12) время существования.

Как видим, ряд параметров имеют явно внепространственный характер. Не случайно *главным показателем территории, позволяющим различать ее виды, был и остается существующий на ней правовой режим (или механизм осуществления государственной власти)*.

Правовой режим выражает определяющие стороны правовой действительности³⁵, более того, понятие правового режима, как сделал вывод Д. Н. Бахрах, практически совпадает с понятием системы права, если рассматривается с точки зрения отношений граждан, организаций в связи с определенными объектами (режим собственности, режим природных объектов, режим службы и др. составляющие правового режима)³⁶. Если применительно к политическому режиму под ним понимают совокупность приемов и методов осуществления государственной власти³⁷, то, говоря о правовом режиме государственной территории или ее части, обычно имеют в виду административно-правовой режим, отражающий специфику объекта административного правового воздействия и используемых для этого административно-правовых средств³⁸.

³² Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 222.

³³ См.: Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи / Сост., предисл., примеч. В. И. Евдокимова. М., 1995. С. 274.

³⁴ Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М., 2003. С. 14.

³⁵ См.: Исаков В. Б. Правовые режимы и их совершенствование // XXVII съезд КПСС и развитие теории права. Свердловск, 1982. С. 34–39.

³⁶ Бахрах Д. Н. Административное право России. М., 2000. С. 410.

³⁷ См.: Самощенко И. С. Охрана режима законности в советском государстве. М., 1960. С. 8.

³⁸ Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы. М., 2000. С. 15.

Рассмотрение территории вне анализа ее правового режима просто контрпродуктивно³⁹ и имеет смысл разве что в естественно-научных исследованиях. При этом понятие правового режим является не синонимом режима, основанного на некоем естественном праве, а собирательным, включающим и государственно-правовой, и международно-правовой режим. Оно охватывает и понятия государственного, конституционного и административного режимов, выделенные М. Ориу⁴⁰, означая опору на действующее законодательство.

Конечно, с точки зрения и гуманитарного, и естественно-научного знания понятия «пространство» и «территория» – не синонимы. Пространство включает в себя как собственно физическое пространство (территорию), так и его географическое поле (географические взаимосвязи). Если физическое пространство может характеризоваться дискретностью (прерывистостью), то географическому полю свойственна континуальность (непрерывность). Это, в частности, позволило Л. И. Грачу сделать вывод о том, что слишком узок перешеек, соединяющий Крым с Украиной, и еще более узок пролив, отделяющий его от России⁴¹. Иными словами, территория выступает не только как государственная территория, т. е. как общественная, юридическая категория, но и как естественная географическая среда, в которой существует данное человеческое общество⁴².

Стремясь упорядочить терминологию, используемую для обозначения границ действия разных правовых комплексов и предусматриваемых ими юридических режимов, Ю. А. Тихомиров предлагает использовать следующие понятия: «а) для правовых семей – «зоны правового влияния»; б) для правовых массивов в рамках межгосударственных отношений – «правовое пространство»; в) для правовых систем в рамках федерации – «государственно-правовая территория»⁴³. Предложение И. Н. Барцица о применении в качестве универсальной категории термина «правовое пространство»⁴⁴ вряд ли может быть принято применительно к анализу всего комплекса проблем территории, поскольку этот комплекс не сводится к правовому режиму.

Избегая упрощений, но при этом признавая географический детерминизм социальных явлений, нельзя не отметить, что в Российском государстве обширные территориальные пределы всегда ставили перед народом и государственной властью два вопроса: каким образом сохранить единство страны и как обеспечить эффективность осуществления государственной власти на столь обширной территории?

Вопрос о *качестве территории* всегда был и остается в центре любого территориального урегулирования, будь то средневековые европейские войны или споры о размежевании в Боснии хорватско-мусульманской конфедерации и республики православных сербов в 1992–1996 гг. Одним из первых показателей качества территории для Ф. Ратцеля был климат⁴⁵. По мнению Ж. Бодэна, климат влияет даже на форму государства. Показательно, что в 1941 г. под впечатлением успехов гитлеровской Германии в Средиземноморье, прежде всего в Греции и Северной Африке, президент США Ф. Рузвельт, имея в виду именно качество территории, писал премьер-министру Великобритании У. Черчиллю: «Лично я не расстроен захватом Германией новых крупных территорий. На всех этих территориях, вместе взятых, мало сырья – недостаточно для содержания огромных оккупационных сил или для компенсации их пребы-

³⁹ См. как пример: Гумеров И. Н. Государство и государственная власть. М., 2002. С. 130–144.

⁴⁰ Ориу М. Основы публичного права / Пер. с фр. М., 1929. С. 297, 531–548.

⁴¹ Грач Л. И. Геополитика и современность // Марксизм и современность. 1995. № 2. С. 34.

⁴² Курс международного права. В 6 т. Т. 2. М., 1967. С. 58.

⁴³ Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 7.

⁴⁴ Барциц И. Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. М., 2000. С. 16–17.

⁴⁵ Ратцель Ф. Народоведение / Пер. с нем. В 2 т. Т. 2. СПб., 1903. С. 397.

вания»⁴⁶. При жесткой альтернативе – качество территории или ее размеры – предпочтение всегда отдается первому⁴⁷.

Это ярко проявилось в перечне условий, влияющих на морскую силу наций, который в XIX в. предложил А. Мэхэн. Из шести позиций первостепенное место занимали именно территориальные характеристики: географическое положение; физическое строение, включая естественную производительность и климат; размеры территории; численность народонаселения, лишь затем шли характер народа и характер правительства, включая характер национальных учреждений⁴⁸.

Обеспечение целостности и неприкосновенности государственной территории достигается единой государственной политикой, долгосрочными и краткосрочными программами, системой мер экономического, политического, организационного и иного характера, адекватных угрозам жизненно важным интересам личности, общества и государства. В свою очередь устойчивость развития, а вместе с ней и независимость государства, напрямую зависят от целостности его территориальных границ.

Мы должны идти дальше социологизации Л. А. Тихомирова, определявшего государство как союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью⁴⁹. Анализ территориальных характеристик свидетельствует, что государство – это не просто объединение людей или механизм власти, но и определенная территория, на которой живет данное население. На этой территории могут проживать, конечно, также иностранцы, лица без гражданства. Человек может проживать на территории другой страны, оставаясь под властью своего государства.

1.2. Земля и территория

Необходимо отграничивать статус территории от территориальных, точнее, пространственных аспектов распоряжения землей как природным ресурсом.

Еще Г. Гроций пытался провести грань между понятиями «территория» и «земля». Например, в случае изменения течения реки, повлекшего изменения земли первых двух родов, «самая территория, – считал он, – ничуть не изменится»⁵⁰.

Ссылаясь на Флорентина и Варрона, Тацита и Плиния, Г. Гроций выделил три рода земель: во-первых, наделенные или «размежеванные», имеющие вместо границ искусственно созданные межи; во-вторых, земли, отведенные как целое, или участки определенных размеров (в центуриях и югерах), и, в-третьих, земли с естественными границами, названные так потому, что рубежи их удобны для отражения нападения врагов⁵¹.

К. С. Аксаков, видя в «земле» неопределенное и мирное состояние народа, фактически соединял в этом понятии и территорию и население. Отсюда его слова о том, что «земля» призвала себе государство (власть) «на защиту, ограждение», и «Россия была под двумя властями – *Земли и Государства*, разделялась на два отдела – на людей *земских* и людей *служилых*»⁵².

Объектная теория (Ф. Ф. Мартенс, Гейльберн, Зайдель, Цорн), старейшая по времени своего возникновения, рассматривает территорию как объект публично-вещного права соб-

⁴⁶ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны /Пер. с англ. М.: ТЕРРА, 1995. С. 165.

⁴⁷ О качестве территориальных ресурсов земного шара см. также: Алисов Н. В., Хореев Б. С. Экономическая и социальная география... С. 58–78.

⁴⁸ См.: Мэхэн А. Влияние морской силы на историю // Классика геополитики, XIX век: Сб. / Сост. К. Королев. М., 2003. С. 207.

⁴⁹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 42.

⁵⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 223.

⁵¹ Там же.

⁵² Аксаков К. С. О том же // Семигин Г. Ю. Российские политико-правовые доктрины. М., 2005. С. 788.

ственности государства (не *dominium*, но *imperium*), строя на этом обоснование частно-правовых форм приобретения территории. Пространственная теория территории (Блюнчли, Г. Еллинек, Л. Дюги, Ф. Ф. Кокошкин, А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, Ф. Лист, А. И. Елистратов) делала упор на том, что территориальное верховенство входит в сферу публичного права и не включает право частной собственности, каковым является земельная собственность. Территориальное верховенство как осуществление публичной государственной власти объявлялось ею правом не на территорию, а на население.

Если патримониальная теория (Оппенгейм, Донатти) понимает территорию как объект реального права собственности, отождествляет ее с государством, а Гербер и Лабанд энергично отстаивали и право на территорию как государственное вещное право, то среди получивших развитие в более позднее время теорий, умаляющих принцип территориальной суверенности, выделяются теория лимитированного пространства и теория компетенции. Представители последней (Г. Кельзен, Ж. Ссель, Ш. Руссо) понимали территорию как сферу пространственной компетенции государства. Близка к этому и теория лимитированного пространства⁵³. В целом же далеко не всегда различные теории происхождения государства по-разному раскрывали содержание понятия территории⁵⁴.

В советском международном праве нередко абсолютизировался подход, что государство осуществляет публично-вещное право на территорию (А. М. Ладыженский), которая «есть объект социалистической собственности и материальная база социалистического хозяйства» (В. Н. Дурденевский)⁵⁵.

В советской теории право собственности государства на часть земли или всю землю в пределах государственной территории обычно выводилось из суверенитета государства, его правомочия суверенно устанавливать правовой режим земельной собственности, недр, природных богатств и др., уступать или обменивать отдельные части своей территории и т. п. Из суверенитета государства выводили его право национализировать расположенные на его территории имущество, производственные и иные объекты иностранных государств. Существовали и иные концепции. Например, М. М. Козырь высказывал совершенно отличную от предыдущей точку зрения, утверждая, что «территориальное верховенство не может рассматриваться как основание права государственной собственности на землю»⁵⁶.

В теории международной собственности (Лабанд, Розен, Цительман, Мартенс, Оппенгейм, Лаутерпахт и др.) территория государства представляет собой не внутригосударственную, а международно-правовую собственность государства. При этом вычленяются два аспекта:

- государственно-правовой, т. е. власть государства в пределах своей территории, представляющей пределы распространения государственной власти;
- международно-правовой, т. е. власть государства на определенную территорию, где территория выступает в качестве объекта права собственности в его гражданско-правовом смысле.

При этом территория рассматривается как арена властной деятельности государства для внутреннего права и как собственность государства для международного права. То есть в международных отношениях каждое государство выступает как собственник своей территории. Следовательно, государство не только осуществляет территориальное верховенство в сфере публичного права, но также обладает способностью распоряжаться своей территорией на международной арене как своей собственностью.

⁵³ Подробнее см.: Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. С. 28–37.

⁵⁴ Подробнее см: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 196–235, 270–285, 392–394.

⁵⁵ Международное право. М., 1951. С. 260.

⁵⁶ Земельное право. М. 1969. С. 149.

Отсюда Ф. Ф. Мартенс выводил право государства на завладение (оккупацию) тех земель, которые входят в состав территории, но не принадлежат никому, которые не заселены или покинуты своими владельцами: государство не только распоряжается такими землями на правах государственной власти, но и владеет ими как частный собственник⁵⁷.

Подобные вещно-правовые взгляды, когда территорию относят к объектам публичного права, просматривались и у советских юристов-международников. Так, А. М. Ладыженский писал в 1948 г., что в международных отношениях государство «проявляет себя как собственник территории, когда заключает с другими государствами договоры о приобретении и уступке ее, об обмене отдельными ее участками, о сдаче или получении ее в международно-правовую аренду и т. п.»⁵⁸.

Б. М. Клименко в свою очередь решительно утверждал: «Поскольку определенная территория принадлежит определенному государству, постольку она является его собственностью. Эта собственность существенно отличается от понятия собственности во внутреннем праве. Она существует и рассматривается в плоскости международных отношений и международного права и в этом смысле может считаться международной»⁵⁹.

Подобная концепция была отвергнута рядом авторов (Н. А. Ушаков, Ю. Г. Барсегов, А. М. Турубинер) на основании того, что земля и территория не одно и то же. Можно говорить о государственно-правовой собственности на землю, но не на территорию⁶⁰.

Ю. Г. Барсегов, подвергнув в 1958 г. критике положение о том, что территория в СССР является объектом социалистической собственности, подчеркнул, что верховенство государства в пределах государственной территории носит публично-правовой характер, и государство, владеющее территорией от имени народа, не властно распоряжаться ею как своей собственностью вопреки интересам народа⁶¹. Аналогичную позицию заняли Н. А. Ушаков, Б. М. Клименко⁶². Значение этого правового принципа и поныне огромно.

Вопросы землепользования и землевладения корреспондируют с проблемами режима территории, но не совпадают с ними. При этом в понятие «земля» следует включать поверхность, недра, воды, леса нашей планеты, способные быть предметом правоотношений собственности. Не случайно под землеустройством, по мнению И. Шулейкина, всегда понималась совокупность мероприятий, регулирующих земельные отношения путем изменения сложившихся и создания новых пространственных форм организации земли, способствующих расширенному воспроизводству господствующего способа производства⁶³.

Земельный кодекс России, принятый 25 апреля 1991 г., включил в понятие землеустройства систему мероприятий, направленных на осуществление земельного законодательства, решений государственных органов по вопросам использования и охраны земель, создание благоприятной экологической среды и улучшение природных ландшафтов (ст. 112). Российское законодательство тогда выделило семь категорий земель:

- сельскохозяйственного назначения;
- населенных пунктов (городов и других поселений);
- промышленности, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, космического обеспечения, энергетики, обороны и иного назначения;

⁵⁷ Мартенс Ф. Международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1898. С. 349.

⁵⁸ Ладыженский А. М. Юридическая природа территориального верховенства // Вестник МГУ. 1948. № 10. С. 43.

⁵⁹ Клименко Б. М. Основные проблемы государственной территории в международном праве: Автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 1970. С. 6.

⁶⁰ См.: Барсегов Ю. Г. Территория в международном праве. М., 1958.

⁶¹ См.: Там же. С. 56–63.

⁶² См.: Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве. С. 105, 112; Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. С. 7.

⁶³ Шулейкин И. Землеустройство // Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. Т. 26. М., 1933. С. 677.

- особо охраняемых территорий (природоохранного, природно-заповедного фонда, оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения);
- лесного фонда;
- водного фонда;
- запаса.

Как видим, критерием классификации земель выступает их целевое назначение⁶⁴.

Земельный кодекс Российской Федерации (далее – ЗК РФ), принятый 25 октября 2001 г., сохранил такую систему с незначительным уточнением терминологии (ст. 7). *Правовой режим земли* определяется исходя из ее принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования. При всех дискуссиях о понятии «правовой режим земель», даже рассматривая это понятие как синоним земельного правового порядка⁶⁵, речь идет об особенностях содержания права собственности в отношении той или иной категории земель. Порядок перевода земель из одной категории в другую устанавливается федеральными законами. Земельные споры рассматриваются в судебном порядке (ст. 64 ЗК РФ).

Землеустройство в России включает в себя мероприятия по изучению состояния земель, планированию и организации рационального использования земель и их охраны, образованию новых и упорядочению существующих объектов землеустройства и установлению их границ на местности (территориальное землеустройство), организации рационального использования гражданами и юридическими лицами земельных участков для осуществления сельскохозяйственного производства, а также по организации территорий, используемых общинами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (ст. 68 ЗК РФ и ст. 1 Федерального закона РФ «О землеустройстве» от 18 июля 2001 г.).

И, наконец, Земельный кодекс, перечисляя объекты земельных отношений – землю как природный объект и природный ресурс, земельные участки и части земельных участков – четко определяет земельный участок как часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке (ст. 6 ЗК РФ). Земельный участок при этом может быть делимым и неделимым. Кадастровому учету могут принадлежать только индивидуально определенные, имеющие границы земельные участки⁶⁶. Законодатель не избежал при этом терминологической неточности. Давая основные понятия в Федеральном законе РФ «О государственном земельном кадастре» от 2 января 2000 г., и раскрывая понятие территориальной зоны как части земли, он употребил термин «территория», записав, что территориальная зона – это часть территории, которая характеризуется особым правовым режимом использования земельных участков и границы которой определены при зонировании земель в соответствии с законодательством (ст. 1 ФЗ). Территория и ее части, как четко определено в законодательстве, не являются объектами земельных отношений. Право же пользования земельным участком является вещным правом⁶⁷.

Отсюда в отношении земли (земельных участков) и возможность купли-продажи, аренды, залога, мены и т. д.⁶⁸ При самых разнообразных спорах о праве собственности на землю забывают непреложный факт: земля принадлежит тому, кто собирает за нее налоги.

Когда Е. Г. Зинков выводит значение земли далеко за пределы экономики, видя в земледелии явление духовное, которое «самоорганизует» пространство, и говорит о распростране-

⁶⁴ Подробнее см.: Павлов П. Н., Крамкова Т. В., Мартынов Г. А. Современное земельное законодательство: Комментарий и сборник законодательных актов РФ. М., 2005; Крассов О. И. Земельное право современной России. М., 2003. С. 36–88; Земля и право. Пособие для землевладельцев / Под ред. С. А. Боголюбова. М., 1998.

⁶⁵ См.: Крассов О. И. Земельное право современной России. С. 37–40.

⁶⁶ См.: Судебная практика по земельным спорам. Кн. 3. Ч. 1. М., 2004. С. 572–576.

⁶⁷ Там же. Кн. 3. Ч. 2. С. 204–206.

⁶⁸ Подробнее см., напр.: Коловангин П. М. Собственность на землю в России. История и современность. СПб., 2003. С. 392–423.

нии власти князя за пределы его родовой земли⁶⁹, он фактически отождествляет землю и территорию. Но в онтологическом смысле он убедительно отмечает, что земледелие не только способ существования человека в конкретной среде и пространственно-временном промежутке, но и одна из форм миропонимания.

Природой территориального верховенства определяется назначение государственной территории быть не только пространственной сферой, в границах которой обеспечивается суверенное осуществление государственной власти, но и объектом суверенного властвования. Для обоснования суверенного правомочия государства распоряжаться своей территорией нет необходимости рассматривать ее как предмет права собственности.

1.3. Юридические характеристики территории. Территория как элемент государства

Территория, по словам Г. Еллинека, является мертвым и в то же время бессмертным элементом государства⁷⁰. Действительно, как все юридическое и социальное категория территории смертна, конечна. Но эта социально-философская аксиома дополнилась в юридической науке формированием разных подходов к пониманию территории, опирающихся, как правило, на различное понимание государства.

Территория «есть пространство земли и воды, подчиненное исключительно верховной власти государства»⁷¹, – писал в терминах своей эпохи Ф. Ф. Мартенс. «Государственной территорией, – развил его мысль А. И. Елистратов, – называется то пространство земной поверхности, которое составляет исторически сложившийся предел для государственного верховенства»⁷². Государственная власть в отношении территории, подчеркивал он, есть территориальная власть, ибо обнаруживается в верховном господстве над определенной территорией и над всем, что на ней находится.

Пространство действия власти каждого отдельного государства определяется, писал Н. М. Коркунов, границами территории государства. «Внешнее ограничение государственного властвования сводится к определению границ государственной территории; внутреннее – к признанию прав гражданской свободы»⁷³. А «пространство действия власти каждого отдельного государства определяется границами территории государства»⁷⁴. И с позиции современной юридической науки государственное пространство может функционировать лишь как пространство правовое, «т. е. как некая территория, в рамках географических пределов которой применяются те или иные общие правовые механизмы»⁷⁵.

Как предпосылку государства, важнейший признак, определяющий и подтверждающий нахождение определенного множества людей в статусе, положении, состоянии государства, рассматривает территорию государства И. Н. Гумеров⁷⁶, но делает это вне правового контекста.

Государство и его элементы. Ныне, как и в прошлом, формулу государства в своем единстве образуют три элемента: «территория», «государственная власть», «население». Правда, в теории государства уточняется, что «когда говорят о конкретных государствах (СССР, Англия, Бразилия и т. д.), то имеют в виду определенное единство территории, насе-

⁶⁹ Зинков Е. Г. Созидание пространства России и философия хозяйства. Краснодар, 2003. С. 41, 67–80.

⁷⁰ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 107.

⁷¹ Мартенс Ф. Международное право цивилизованных народов. С. 348.

⁷² Елистратов А. И. Очерк государственного права (конституционное право). 2-е изд. М., 1915. С. 8.

⁷³ Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. 3-е изд. СПб., 1899. С. 415.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Барций И. Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. С. 21.

⁷⁶ Гумеров И. Н. Государство и государственная власть. С. 105.

ления, власти»⁷⁷, и в этом смысле государство выступает в качестве официального представителя этого населения в международном праве.

Применительно же к территории, государственной власти и населению сохраняется в силе диалектический подход, что именно эти три элемента, вступая в определенную систему отношений, непосредственно и создают государство как целое.

В этом отношении нельзя признать убедительной критику выделения элементов государства со стороны Д. А. Керимова, утверждающего, что «любому здравомыслящему человеку очевидно, что территория – это не "элемент" и не "принцип", а тот фундамент, база, основание, в пределах которого осуществляется государственная власть»⁷⁸. Конечно, дело не в территориальном и субстанциональном элементах государства⁷⁹, не в противопоставлении элементов государства и его признаков, как полагает Д. А. Керимов, а в диалектическом единстве территории, власти и населения.

Соединение населения и государственной власти рождает феномен определенного типа общества, а вся триада создает государство и означает то, что верховная и единая государственная власть распространяется на всю данную территорию и на всех людей, составляющих ее население. В случае совершения действий, направленных на нарушение этого триединства, посягательств на верховенство государственной власти, государство имеет право и обязано обеспечить безусловное подчинение своим распоряжениям.

Правовое закрепление основных положений этой формулы производится в основных законах государств.

Так, ст. 4 Конституции России 1993 г., определяя основы разграничения полномочий между государственными структурами страны, подтверждает территориальное единство Российской Федерации и распространяет единую государственную власть на всю ее территорию без каких бы то ни было изъятий. Статья 67 Конституции Российской Федерации, раскрывая понятие территории Российской Федерации, перечисляет ее составные части: территория субъектов федерации, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Права России распространяются также на ее континентальный шельф и экономическую зону. Среди функций Российского государства особо обозначено обеспечение целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации.

Аналогичные положения имеются и в конституциях других государств. Например, Куба в соответствии с конституционной формулой осуществляет суверенитет «над всей национальной территорией...» (ст. 10 Конституции Республики Куба 1976 г.). Согласно Конституции Республики Филиппины 1987 г. (ст. 1), «национальная территория охватывает Филиппинский архипелаг со всеми включенными в него островами и водами и все иные территории, находящиеся под суверенитетом или юрисдикцией Филиппин и состоящие из суши, вод и воздушного пространства, в том числе их территориальное море, морское дно, недра, островные шельфы и прочие подводные пространства». А территория Республики Беларусь является «естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа, основой его благосостояния и суверенитета Республики Беларусь» (ч. 1 ст. 9 Конституции 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на референдуме 24 ноября 1996 г.).

Приведенные положения составляют юридический стержень универсального понятия территории. Нетрудно заметить, что в данном контексте территория представляется не только в виде пространственных пределов функционирования общества, некоей основы существования социального организма, но и как своего рода политическое, экономическое и культурное

⁷⁷ Общая теория государства и права / Отв. ред. Д. А. Керимов и В. С. Петров. В 2 т. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. С. 39.

⁷⁸ Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: В 3 т. Т. 3. Правовое государство. М., 2003. С. 35.

⁷⁹ См.: Проблемы общей теории права и государства. Учебник. Под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1999. С. 551–552.

пространство, пределы осуществления власти внутри страны и пределы, за которыми государство выступает как иностранная, внешняя сила.

Следует при этом отметить, что, углубляя традиционное понимание территории как части земного шара, подвластной государству или союзу государств, советская правовая наука достаточно давно определяла территорию как «пространство, в пределах которого государство осуществляет свой суверенитет, где господствующий в государстве класс осуществляет свою государственную власть, распоряжаясь, в частности, и самой территорией и организуя ее в административном отношении в соответствии со своими интересами»⁸⁰.

Как уже говорилось, государство традиционно рассматривается как соединение трех элементов – территории, власти и населения (в России следует отметить в этом отношении труды М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова, С. А. Котляревского, Г. Ф. Шершеневича и др.). Л. А. Тихомиров был одним из немногих, кто признавал лишь два элемента государства – нацию и верховную власть⁸¹.

Оперирование тремя элементами государства обуславливает характерное для русского государствоведения понимание права как следствия нравственной обязанности⁸². В случае попыток нарушений этого триединства, посягательств на верховенство государственной власти или единство страны, государство в лице государственных органов имеет право и обязано обеспечить безусловное подчинение своим распоряжениям. Имея это в виду, германский правовед Г. Еллинек писал: «Чтобы избежать юридических фикций и признать предшествующее всякой юриспруденции естественное бытие государства, представляется естественным искать объективное существо государства в одном из его составных, по-видимому, реально существующих, элементов. Эти элементы суть территория, народ и властитель»⁸³. И. А. Ильин, перечисляя территорию первым из элементов государства, добавлял к ней власть, народ и лояльность граждан⁸⁴. Н. Н. Алексеев, добавляя к традиционной триаде четвертый элемент – организованный порядок, – рассматривал территорию как объект власти, как элемент государства-личности и, вслед за П. Н. Савицким и Л. С. Бергом, как «месторазвитие»⁸⁵. Эту традицию фактически продолжил и Л. Н. Гумилев⁸⁶.

Советские ученые отрицали подобное понимание государства, исходя из ленинско-сталинского понимания государства как машины классового подавления, сводя территорию к геолого-географическим условиям. «Хотя государство и немыслимо вне территории, характеризуется оно отнюдь не территорией как частью физической природы, а общественными отношениями людей, складывающимися на этой территории, регулируемые и охраняемые государством – политической организацией господствующего класса»⁸⁷, – писал В. С. Шевцов.

По мнению академика И. П. Трайнина, понятие государства следовало искать в свете развития законов производства, производственных отношений, в результате которых возникли и обострялись классовые противоречия в обществе⁸⁸. Они, и только они, определили ход человеческой истории, вызвали необходимость государства и его механизма. Вместе с тем И. П. Трайнин, переходя к вопросу о соотношении государства и территории, признает, что государство

⁸⁰ Территория // БСЭ. Т. 54. М., 1946. С. 178.

⁸¹ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 46.

⁸² Подробнее см., напр.: Величко А. М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999. С. 161–167.

⁸³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 161–162. Типологию власти, ее типы, виды и т. д. см.: Халипов В. Ф. Энциклопедия власти. М., 2005.

⁸⁴ Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 329.

⁸⁵ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 403, 404–407.

⁸⁶ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997. С. 230.

⁸⁷ Шевцов В. С. Суверенитет Советского государства. М., 1972. С. 94.

⁸⁸ См.: Трайнин И. П. Вопросы территории в государственном праве // Известия АН СССР. 1947. № 4. С. 217.

нельзя связывать только с властью, ибо оно не может существовать без территории⁸⁹. Ныне это бесспорно. Не устарела и не устареет оценка подхода к теории государства в любом ее аспекте как подхода социально обусловленного. «В учении о государстве, в теории о государстве вы всегда увидите... борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства»⁹⁰, – писал В. И. Ленин.

Несколько в ином ключе рассматривается понятие территории в более поздней отечественной литературе. Например, указывается, что «государственная территория – это принадлежащая данному государству и находящаяся под исключительной его властью часть земного пространства над сушей и водами»⁹¹. Здесь имеется в виду лишь международно-правовой аспект территории. Именно в этом аспекте и следует понимать утверждение Б. М. Клименко о том, что государственная территория не входит в понятие государства как субъекта международного права, ибо принадлежность субъекта не следует отождествлять с самим субъектом⁹².

Такому подходу в полной мере отвечает утверждение Н. А. Ушакова о том, что правовое понятие территории не имеет ничего общего с понятием территории «в ее природном, естественном смысле, как среды обитания земной флоры и фауны, местонахождения естественных богатств и ресурсов, среды обитания человека и материальной основы его обитания»⁹³. Достаточно спорно то, что сам автор предлагает понимать под территорией в международном и в национальном праве некоторое земное, а также внеземное (космическое) пространство, ограниченное от других земных пространств определенными поверхностями (границами) и имеющее тот или иной юридический статус и соответствующий ему правовой режим. Впрочем, попытка И. Н. Барцица дополнить определение Н. А. Ушакова, включив в состав государственной территории помимо земного пространства внутренние воды⁹⁴, еще более неточна, ибо автор явно отождествляет земное пространство с сухопутной территорией.

Невозможно не обратить внимания на то, что территория – это категория, сформировавшаяся исторически в тесной связи с такими категориями, как государство и нация. Французский государствовед Л. Дюги отмечал, что «коллективность может быть государством только тогда, когда она осела на территории с определенными границами. Без этого нет государства. Может существовать целая социальная группа, в ней может возникнуть даже политическая власть, но эта коллективность, дойдя даже до политической дифференциации, не составляет и не может составлять государства»⁹⁵. Государство таким образом предполагает территорию как часть государственной организации. Иными словами, территория как часть земного пространства представляет собой необходимое естественное условие существования государства, материальную основу жизни организованного в государство общества⁹⁶.

Не будет работать при рассмотрении элементного состава государства структурно-функциональный анализ. Оценки, данные ему М. Розенталем и Э. Ильенковым в 1969 г. вполне сохранили свою силу: структурно-функциональный метод сознательно абстрагируется от всех фактов, связанных с историей возникновения, формирования и перспективой эволюции «структурных образований», от внутренне присущих им противоречий, которые как раз и сти-

⁸⁹ См.: Там же. С. 217–234.

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 67.

⁹¹ Курс международного права: В 6 т. Т. 3. М., 1967. С. 115.

⁹² Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. М., 1974. С. 160.

⁹³ Ушаков Н. А. Международное право: основные термины и понятия. Учебное пособие. М.: ИГП РАН, 1996. С. 37.

⁹⁴ Барциц И. Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. С. 27.

⁹⁵ Дюги Л. Конституционное право / Пер. с англ. М., 1908. С. 128.

⁹⁶ Курс международного права. В 6 т. Т. 3. С. 115.

мулируют процессы рождения, формирования и преобразования их в более высокие и исторически более поздние структуры⁹⁷.

Отметим, что феномен фиксации населения на определенной территории (седентаризм) еще в догосударственные времена стал основой новой социальной организации, в которой человеческие сообщества дифференцировались по территориальному критерию, заменяющему прежний критерий кровного родства. Однако поистине глобальное значение территориальный критерий приобретает только при переходе от родового общества к государству.

В современном международном праве под территорией в широком смысле этого слова понимают различные пространства земного шара с его сухопутной и водной поверхностью, недрами и воздушным пространством, а также космическое пространство и находящиеся в нем небесные тела⁹⁸.

Существуют и подходы, отождествляющие территорию с юрисдикцией. Морские и воздушные суда, территориальное море и посольства признаются территорией постольку, поскольку в юридическом контексте означают конкретную сферу правовой компетенции, а не географическую категорию⁹⁹. Подобные утверждения требуют более корректной аргументации, но и в этом случае основными признаками государственной территории обычно называют принадлежность ее определенному государству и верховенство над ней права этого государства¹⁰⁰.

Само государство зарождается в период, когда этносы (народы), нации, некие группы, связь в рамках которых еще основывается на кровно-племенных началах, начинают обособлять себя от других не только по признаку кровного родства, общего правителя, но и по принципу принадлежности к той территории, которую они занимают. Кровное разделение сначала дополняется, а затем в государстве и вовсе заменяется территориальным разделением. Следовательно, основной признак государственной территории – верховенство на конкретной территории соответствующей государственной власти.

Анализируя формально-юридические свойства территории государства, можно выделить следующие аспекты:

1) без разрешения со стороны властного аппарата государства никакая другая власть не имеет права осуществлять на ней свое господство, т. е. суверенитет;

2) все находящиеся в пределах территории государства граждане (подданные), а также другие лица (исключение составляют лица, обладающие дипломатическим иммунитетом) подчинены власти государства и его законам.

Из первого пункта вытекает, что на одной и той же территории (т. е. территории, находящейся под юрисдикцией одного государства) может осуществлять власть только одно государство. Второй означает, что, не имея пространственных границ, государство не имело бы возможности воздействовать на своих граждан (подданных, гражданское общество, социальные группы). То есть государство не могло бы обладать качествами целостного субъекта, не будь оно оформлено в своих границах.

Управление государством может осуществляться, как правило, лишь в пространственных пределах его территории. Действие самих нормативных предписаний государства оправданно рассматривать как «процесс существования права во времени, в пространстве и среди широкого круга лиц»¹⁰¹.

⁹⁷ См.: Розенталь М., Ильенков Э. Ленин и актуальные проблемы диалектической логики // Коммунист. 1969. № 12. С. 32.

⁹⁸ См.: Международное право: Учебник / Отв. ред. Ю. М. Колосов, В. И. Кузнецов. М., 1994. С. 71.

⁹⁹ См.: Броунли. Международное право / Пер. с англ.: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 185–186.

¹⁰⁰ Там же. С. 71.

¹⁰¹ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 171.

Только здесь, используя свою власть, оно может беспрепятственно в полном объеме повелевать людьми, и в первую очередь – своими гражданами. Особые случаи (территория посольств, консульств и т. п.) лишь подтверждают правило. Иными словами, государственность как таковая тесно связана с территориальными ресурсами; она не может существовать без четко или условно, но ограниченной территории. При этом государственная власть распространяется на всю без исключения территорию государства: на все сухопутные, водные и воздушные пространства, находящиеся под юрисдикцией государства, а также объекты с государственной символикой (например, корабли, авиалайнеры и т. д.).

Юридически корректное определение государства дано в ст. 1 Конвенции Монтевидео 1933 г. о правах и обязанностях государств. «Государство как субъект международного права, – говорится в Конвенции, – должно обладать следующими чертами: а) постоянным населением, б) определенной территорией, в) правительством, г) способностью вступать в сношения с другими государствами»¹⁰². Это определение используется при решении вопроса о том, соответствует ли то или иное образование критериям государства. Например, когда Палестинский совет в конце 1988 г. провозгласил суверенное Палестинское государство, это притязание было отвергнуто большинством западных правительств, сославшихся на критерии Монтевидео: Западный берег и полоса Газа были спорными территориями, не имевшими фактического палестинского управления. Аргумент чисто политический, ибо следовало признавать территорию Палестины незаконно оккупированной.

Факт территориального контроля реализуется в международной практике через признание. Территориальные организмы со стабильными и эффективными правительствами защищаются международным правом.

В сущности, аналогичные идеи были выдвинуты еще Г. Гроцием, который считал, что «власти обыкновенно подчинены двоякого рода предметы: во-первых, лица – этот предмет иногда достаточен сам по себе, как, например, толпа переселенцев на новые места – мужей, жен и детей; во-вторых, пространство, называемое территорией»¹⁰³.

Г. Гроций справедливо утверждал, что вряд ли возможно однозначно определить происхождение понятия «территория», хотя и неизменно отмечал его государственно-правовой генезис. Происхождение «территории» от «устрашения врагов» (*terrendis hostibus*), по Флакку Сицилийскому, казалось ему не менее вероятным, нежели от «попрания» (*terendo*), по Варрону, или от «земли» (*terra*), по Фронтину, или от «права устрашения» (*terendi jure*), которым обладают должностные лица, по Помпонию¹⁰⁴. И действительно, все эти аспекты государственной территории: «земля», «попрание» чьей-то воли, чьих-то интересов, «устрашение» врагов – неизменно связаны с самим фактом властно организованной территории. Как полагал Л. А. Тихомиров, территория, как и национальность, не составляет содержания государственной идеи, а выступает в качестве условия ее возникновения¹⁰⁵.

На основе понимания территории как публично-правовой категории построены многие международно-правовые документы. Статья 11 Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств 1933 г. устанавливает, что «территория государства неприкосновенна и она не может быть предметом ни военных оккупаций, ни других насильственных мер, проводимых другим государством, ни прямо, ни косвенно, ни по какому-либо мотиву, хотя бы даже временно»¹⁰⁶.

Территория государства составляет и его единую таможенную территорию.

¹⁰² См.: Crawford J. *The Creation of States in International Law*. Oxford, 1979.

¹⁰³ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 218.

¹⁰⁴ Там же. С. 642.

¹⁰⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 42.

¹⁰⁶ Международное право в избранных документах. М., 1957. Т. 1. С. 36.

Статья 20 Устава Организации американских государств зафиксировала следующее положение: «Территория государства является неприкосновенной, не может ни при каких обстоятельствах быть объектом военной оккупации или иных насильственных действий, прямо или косвенно предпринятых другими государствами, даже если эти действия носят временный характер. Не будут признаваться территориальные приобретения или другие специальные выгоды, полученные силой или посредством применения любой другой меры принуждения»¹⁰⁷.

Итак, господство над территорией есть господство публично-правовое. Именно тип властных отношений, характерных для государства, обусловил принцип, по которому каждый, находясь на территории государства, подпадает под действие законов этого государства. Однако уже обычное право предусматривает исключение из этого правила для послов, а впоследствии и для помещений, земельных участков, послами занимаемых. Послы с точки зрения принимающего их государства не вольны в своих действиях, они всегда признавались не просто представителями, но определенным олицетворением направивших их государей или государств. В этом смысле посол находится как бы вне территории государства пребывания, вследствие чего и не несет ответственности по внутригосударственному праву народа, среди которого он живет. Отсюда и само понятие экстерриториальности, уходящее корнями в глубокую древность. Уже Т. Ливии следовал такой традиции, называя убийство фиденатами послов нарушением права народов, преступлением, неслыханным делом, нечестивым умерщвлением¹⁰⁸.

1.4. Территория в политической науке (основы геополитики)

Древние греки, раскрывая понятие Родины, начинали с того, что это «земля, все жители которой заинтересованы в ее сохранении»¹⁰⁹. Соединение территориальных проблем с проблемами развития обществ, вопросами осуществления государственной власти и динамикой международных отношений привело к рождению науки геополитики.

Принципы рассмотрения проблем территории с позиций политической науки закладывались при зарождении науки геополитики. Исторические реалии не могли при этом не наложить отпечаток на научную доктрину. В сознании старшего и среднего поколений граждан Советского Союза (ныне территория СНГ и старательно «отворачивающейся» от СНГ Прибалтики) истоки современной геополитики омерзительны. Эти истоки таковы:

- теории расового превосходства «белых» над «цветными»;
- концепция социального дарвинизма;
- мальтузианство.

Расовая принадлежность народа, а не отдельного человека, действительно определяет роль и место этого народа в историческом процессе. Но гуманитарные науки до сих пор дискутируют о различиях Общей истории и Всемирной истории. Никакие расовые концепции разделения народов на «высших» и «низших» с позиций современных гуманитарных наук не выдерживают ни критики, ни даже просто постановки вопроса.

Гитлеровцы сделали из расовой теории инструмент идеологического оправдания господства «германской расы» над «низшими» народами – евреями, славянами, цыганами. Это общеизвестно. Занимаясь геополитикой, следует помнить, что идея «расы господ» и «расы рабов» коренится, в конце концов, не в различиях цвета кожи людей, а в иерархичности общества при неразвитости производительных сил.

¹⁰⁷ Действующее международное право: В 3 т. / Составители Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Т. 2. М., 1997. С. 310.

¹⁰⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 432–433.

¹⁰⁹ История в «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера / Пер. и прим. Н. В. Ревуненковой. Под общ. ред. А. Д. Люблинской. Л., 1978. С. 77.

Сформулированный В. И. Лениным закон неравномерного развития государств в условиях современной научно-технической (а также, добавим ныне, информационной) революции создает основу для понимания, почему в любую из известных нам эпох народы разделяются на господствующие и поработанные, но это разделение не определяется цветом кожи.

Вместе с тем расовые теории превосходства одних народов над другими как один из истоков геополитики навсегда, по-видимому, оставили на ней «родимое пятно». Чем бы ни занималась геополитика, в любой позиции и ситуации она выясняет, кто «господин» положения на международной арене, а кто в «догоняющих» или подвластных.

Другим источником идей геополитики является социальный дарвинизм, развернутый в конце XIX в. в работах Г. Спенсера, М. Ваккаро, Л. Гумпловича и др. В противовес теориям, рассматривавшим общество как некую гармоничную целостность, социальный дарвинизм сфокусировал пафос исследовательской работы на неодолимо конфликтном характере общественного развития, перенеся на общество все звериные законы борьбы за существование. Социальный дарвинизм – это освещение жизни общества с точки зрения законов беспощадной биологической эволюции. На практике это означает, что на политику не распространяются никакие моральные ограничения, в ней правит бал пресловутый «триумф выживания». Отсюда знаменитые афоризмы: «победителей не судят», «опоздавшему – кость» и т. п.

В настоящее время о социал-дарвинистах вспоминают довольно редко. Новое поколение политологов и политиков должно делать особое усилие, чтобы осознать истинную антиценность «триумфа выживания» в науке и реальной политике, когда отбрасываются представления о благопристойности, сострадании, гуманизме, справедливости, и остается только одно «нищепанское» правило: «надо быть очень сильным, чтобы не понимать, насколько это одно и то же: жить и быть несправедливым».

Наконец, третьим источником классической геополитики является мальтузианство, к которому тоже надо отнести без идеологических предвзятостей. Пора спокойно отделить научные выводы Т. Мальтуса (1766–1834) как от «гуманитарных вампиров», так и от хаотических пристрастий.

В конце XX в. идея Мальтуса о том, что темп роста населения необходимо гармонизировать с темпом роста производства средств потребления, не вызывает ни у кого принципиальных возражений; более того, эта идея кажется современному человеку не просто разумной, а прямо-таки тривиальной. Но в 1798 г., когда Мальтус обнародовал свою основную работу – «Опыт о законе народонаселения», – люди верили, что человек – Божья тварь, венец Творения и т. п.

Основная идея как раннего, так и современного мальтузианства – необходимость регулирования народонаселения в соответствии с возможностями территории при данном уровне сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Если населения больше, чем можно накормить на данной территории при данных условиях, то следует «божья кара»: голод, эпидемии, стихийные бедствия, безумные кровавые раздоры между людьми. Таков, по Мальтусу, результат «естественного» перенаселения. Но Мальтус ввел и понятие так называемого «абсолютного» перенаселения. Опираясь на социально-экономическую статистику, Мальтус установил, что:

- а) средства пропитания увеличиваются в «арифметической» прогрессии, т. е. линейно;
- б) тогда как население увеличивается в «геометрической» прогрессии, т. е. экспоненциально.

Поэтому через определенный промежуток времени, чтобы избежать социальных потрясений из-за голода, государства вынуждены:

- либо отвоевывать новые земли, изгоняя аборигенов (колониальная экспансия);
- либо беспощадно ограничивать рождаемость и сгонять бездомных бродяг, нищих, так называемых пауперов, в работные дома (разновидность особо тяжелых каторжных работ).

Ясно, что мальтузианство, являясь учением о народонаселении, из которого выросла современная демография, тесно связано с геополитикой, поскольку за определенным пределом только война на истребление противника дает возможность предотвратить массовый голод и голодные бунты в собственной стране.

Примечательно, что даже нападение на нашу страну, СССР, Гитлер обосновывал вполне «мальтузиански»: выступая перед высшим генералитетом перед началом войны, Гитлер сообщил слушателям, что зерна для продовольствия в Германии осталось всего на три месяца и что только за счет пространства на Востоке можно обеспечить немецкий народ собственным хлебом.

Так обстояло дело при классических типах вооружения армий, и даже изобретение пулеметов не изменило подход политиков к борьбе с перенаселением территории: все еще казалось, что уничтожение населения, а не только военнослужащих противника, и захват его природных ресурсов позволят избежать перенаселения в собственной стране. Появление во второй половине XX в. новых типов оружия массового уничтожения (ядерного, бактериологического, химического, геофизического, метеорологического, психотропного) сделало для нормального человечества войны типа Первой и Второй мировых невозможными, поскольку любая мировая война с применением современного оружия массового уничтожения воздействует в равной мере не только на население и территорию противника, но и на население и территорию многих других стран, в том числе самого агрессора.

Термин «геополитика» был впервые введен в оборот шведским государствоведом Р. Челленом, профессором университета в городе Упсала. Но уже до этого развитие политической географии привело к осмыслению ее основных начал. Ф. Ратцель, рассматривая государство как организм, связанный с почвой, пролагая путь к пространственной технологии государственной власти, сделал ключевой вывод: «В соответствии со своей природой государства развиваются в соперничестве со своими соседями, в большинстве случаев за обладание территориями»¹¹⁰. Именно книга Ф. Ратцеля, опубликованная в 1901 г., называлась «Жизненное пространство». В 50-е годы XX в. генерал Г. Гудериан, анализируя положение Германии и всего Западного блока, вывел из идей Клаузевица понятие «решающего пространства» как территории сосредоточения вооруженных сил, достаточных для безопасности Западного мира. Причем выбор решающего пространства, подчеркивал Г. Гудериан, по своему характеру определяется не только военными соображениями, «политические и экономические факторы играют здесь большую, а часто и доминирующую роль»¹¹¹.

Как отдельная отрасль гуманитарного знания геополитика возникла в начале XX в., но корни ее уходят гораздо глубже, поскольку люди очень давно стали осознавать, сколь сильно территориальные, географические факторы предопределяют политику (в основном внешнюю) любого государства. К классикам геополитики следует отнести П. Чаадаева и Ф. Ратцеля, Н. Данилевского и А. Мэхэна. Можно согласиться и с Л. И. Грачом, что русская геополитика как определенное научное направление вышла из восточного вопроса, остающегося до сих пор одним из самых сложных в мировой политике¹¹².

Поскольку гитлеровцы использовали геополитику для «научного» обоснования своих завоевательных планов и оправдания своей экспансии в мире, то в Советском Союзе ее, как и некоторые другие отрасли знания, например евгенику, объявили фашистским учением и практически не разрабатывали. Исключение составляли лишь некоторые закрытые и узкоспециальные учебные заведения. Да и там, как правило, анализировали геополитику как псевдонаучную выдумку.

¹¹⁰ Цит. по: Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М., 1996. С. 53.

¹¹¹ Гудериан Г. Так это не пойдет: К вопросу о положении Западной Германии / Пер. с нем. М., 1954. С. 10.

¹¹² Грач Л. И. Геополитика и современность. С. 32.

Гюнтер Гейден, видный политолог социалистической Германии, характеризовал геополитику как «разбойничье, фашистское и насквозь антинаучное учение, состоящее на службе у монополистов, банкиров и юнкеров, пытающихся обосновать и оправдать установление открытой террористической диктатуры финансовых магнатов в области внутренней политики и претензию на мировое господство в области внешней политики». Он считал, что «геополитика – это теория империалистической политики войны, защищающая интересы монополистического капитала в ущерб интересам собственного народа и других народов»¹¹³.

Но почему геополитика должна иметь меньше прав на существование, чем, например, геопсихология – наука, исследующая влияние погоды, времен года, почвы, ландшафта на душевную жизнь?

Само соединение слов «гео» («земля») и «политика» обозначает гуманитарное учение, истолковывающее данные географии для обоснования политики государства. Но речь не идет лишь о связи географического пространства с политикой государства.

Геополитика есть обусловленность политики государств географическими факторами, такими, как территория, географическое положение, климат, полезные ископаемые и др. С позиций структурализма И. А. Исаев уточняет, что предметом исследования геополитики становятся процессы, демонстрирующие воплощение власти (силы) в пространстве, а именно процессы ее разделения, перераспределения и динамики¹¹⁴. И это с учетом того, что власть, подчеркивал К. Шмит, всегда принадлежит тому, кто определяет политическую реальность и навязывает свою картину мира¹¹⁵.

Ш. Монтескье в XVIII в., как во II в. до н. э. Полибий и еще ранее Посидоний, преломлял через географический фактор всю человеческую историю. Г. Бокль в «Истории цивилизации» подчеркивал влияние на организацию общества и характер отдельных лиц таких качеств территории как климат и почва, вплоть до утверждения, что они породили многие важные различия между народами. «У совершенно невежественного народа, – писал Г. Бокль, – скорость производства богатства обуславливается только физическими особенностями местности»¹¹⁶. Ф. Ратцель создал политическую географию. Политическая география как наука изучает территориальную расстановку классовых и политических сил в связи с социально-экономическими, историческими, политическими, этнокультурными и природными особенностями развития регионов и стран, их районов, городов и сельской местности¹¹⁷. Политическая география исследует взаимодействие политических явлений с границами, электоральным поведением и т. д.

В неопределенности границ, которые намеренно не проводятся в виде линии, а поддерживаются открытыми, в виде свободного пространства изменчивой ширины, Ф. Ратцель видел сущность государственных образований у древних народов¹¹⁸.

Г. Еллинек вообще утверждал, что определение естественных условий и влияния территории составляет задачу не наук о государстве и политике, а физической и политической географии, призванной анализировать не только внешние, но и социально-психологические факты¹¹⁹. А по мнению Б. Чичерина, «физические условия, способствующие объединению общества и вызывающие в нем самостоятельность, ведут к представительным учреждениям, и наоборот, условия противоположного свойства служат им всем препятствием», и «образ прав-

¹¹³ Гейден Г. Критика немецкой геополитики / Пер. с нем. М., 1960. С. 78, 79.

¹¹⁴ Исаев И. А. Политическое ощущение границы: точка зрения побежденных // Национальные интересы. 2005. № 2. С. 27.

¹¹⁵ Шмит К. Единство мира // Европеец. 2004. № 3. С. 53.

¹¹⁶ Бокль Г. История цивилизаций. История цивилизации в Англии: Т. 1. М., 2000. С. 41.

¹¹⁷ Бабурин В. Л., Мазуров Ю. Л. Географические основы управления. М., 2000. С. 177.

¹¹⁸ Ратцель Ф. Народоведение / Пер. с нем. В 2 т. Т. 1. СПб., 1903. С. 135.

¹¹⁹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 104.

ления находится в тесной связи с величиною государства»¹²⁰. Ш. Монтескье прямо полагал, что небольшим государствам свойственна республиканская форма, средним – умеренная монархия, в обширных же равнинах, «естественно», водворяется деспотизм¹²¹.

Конечно же, наиболее глубоко и результативно геополитикой занимались в 30-е гг. XX в. в Германии. К. Хаусхофер, признанный лидер немецкой геополитической школы, характеризовал геополитику как учение «о географической обусловленности политики»¹²².

Геополитика как «наука о политической форме жизни в жизненном пространстве в ее зависимости от земли и обусловленности историческим движением»¹²³ выступала одним из краеугольных камней идеологии германского национал-социализма. Германские фашисты не без успеха использовали ее для оправдания своих агрессивных устремлений. Геополитика вошла составной частью в идеологию нацизма, характеризовавшуюся духом слепого повиновения вождю, ненавистью к расовым и политическим меньшинствам, жадой завоевания и господства, возвеличением немецкого народа и «нордической расы»¹²⁴.

Значительную роль и в расцвете, и в кризисе геополитики сыграл расовый теоретик А. Розенберг, всецело служивший нацизму и казненный по приговору Нюрнбергского международного трибунала как военный преступник. Если для Ф. Ратцеля «еще не достигшими культуры или отставшими от нее»¹²⁵ могли оказаться народы каждой расы, каждой ступени развития, то А. Розенберг в своей работе «Миф XX века» строит систему расовых ценностей, основанную на идее гения нордического человека. То, что все государства Европы основаны германцами, и государство как таковое является итогом целеустремленно направленного на какую-то цель мужского союза и лишь средством сохранения народа – для него аксиомы¹²⁶. Германия же как расовое и национальное государство, как центральная власть континента обеспечивает охрану Юга и Юго-Востока¹²⁷. Как ни парадоксально, но, спекулируя понятиями жизненного пространства нации, древнегерманской чести, расовой защиты народа, А. Розенберг пренебрегал рассмотрением смысла государства и его территории. Существенно иным был подход А. Гитлера.

Библией нацизма была книга А. Гитлера «Моя борьба». В своих теоретических взглядах Гитлер исходил из примата принципа крови, германского расового превосходства и восприятия «евреев как паразитов»¹²⁸. Декларируя привычку австрийских немцев жить в рамках большого государства и никогда не терять сознания тех задач, которые из этого вытекали¹²⁹, он провозгласил целью германского национал-социалистического государства стремление «установить здоровую, естественную, жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий, с другой»¹³⁰. При этом Гитлер отверг попытки возвращения к границам Германии 1914 г., называя те границы вредными и случайными. Он писал: «Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы... сознательно переходим к политике завоевания новых земель

¹²⁰ Чичерин Б. О народном представительстве. М., 1899. С. 577, 578.

¹²¹ Обстоятельный анализ этой позиции см.: Там же. С. 578–587.

¹²² Haushofer K. Weltpolitik von heute. Berlin, 1934. S. 21.

¹²³ Zeitschrift für Geopolitik. 1924. Нт. 4. S. 268; 1944. Н. 1–2. S. 470

¹²⁴ См.: Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с нем. М., 2004. С. 214–243.

¹²⁵ Ратцель Ф. Народоведение. Т. 1. С. 18.

¹²⁶ Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин, 1998. С. 62, 354, 384.

¹²⁷ Там же. С. 469.

¹²⁸ См.: Гитлер А. Моя борьба / Пер. с нем. Б. м., 1992. С. 237–276.

¹²⁹ Там же. С. 61.

¹³⁰ Там же. С. 545.

в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»¹³¹. Применительно к России «вождь германской нации» изначально и публично проповедовал только войну.

С разгромом гитлеровского фашизма идея геополитического анализа социальных проблем получила возможность, избавившись от упрощений «третьего рейха», углублять анализ социальных явлений беспристрастными научными методами. В «Словаре философских терминов», изданном в Гамбурге в 1955 г., геополитика характеризуется как учение «о зависимости политических событий от особенностей поверхности земли, пространства, ландшафта, страны»¹³².

К. Хаусхофер выступал за развитие физической антропогеографии как науки, способной прогнозировать раздел жизненного пространства при растущем взаимном давлении народов на становящейся все более тесной Земле, науки, которая бы учитывала при этом плотность населения, его жизненную энергию, культурный и экономический вклад в развитие населения¹³³. Геополитику К. Хаусхофер строил на определенной системе категорий и аксиом, среди которых главными были:

- понятие жизненного пространства,
- динамика возникновения и становления крупных блоков (пангерманизм, панславизм, паназиатизм),
- противостояние континентальных и морских держав¹³⁴.

В начале 50-х гг. в опубликованной работе К. Хаусхофера вновь провозглашалось сутью геополитики «взаимоотношения между окружающим человека пространством и политическими формами его жизни»¹³⁵. Но этот тезис стали рассматривать как попытку отыскать еще один фактор, определяющий развитие политических форм.

Геополитика как систематизированное знание не случайно появилась в конце Первой мировой войны. Основанием для ее рождения послужило глобальное территориальное переустройство Европы: рухнула кайзеровская Германия, исчезла Австро-Венгерская империя, на развалинах Российской империи появилось небывалое государство – СССР, балканские страны – источник многих событий, потрясших Европу в конце XIX – начале XX вв., – были объединены по решению держав-победительниц в новую страну – Югославию (1918). Такие потрясения для состояния умов не проходят даром.

После Второй мировой войны устройство мира было уже более или менее сознательно подчинено принципам, опиравшимся на результаты геополитических исследований.

Современная геополитика сложилась как результат осмысления трех глобальных, затронувших весь земной шар, войн: Первой мировой войны (1914–1918 гг.), Второй мировой войны (1939–1945 гг.) и холодной мировой войны (1946 г. – от речи Черчилля в Фултоне – и до 1991 г.). Все три названные войны, несмотря на непохожесть каждой последующей на предыдущую, велись во имя территориального передела, который был бы подтверждением достижения победителем более важной цели – мирового господства, т. е. права устанавливать угодный ему мировой порядок.

Явно под влиянием Х. Дж. Маккиндера Д. М. Фельдман утверждает, что материковые, континентальные империи куда менее динамичны и значительно тяготеют к сохранению уко-

¹³¹ Там же. С. 556.

¹³² Worterbuch der philosophischen Begriffe. Hamburg, 1955. S. 259.

¹³³ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет / Пер. с нем. М., 2001. С. 10.

¹³⁴ Там же. С. 251–418; См. также: Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 69–73; Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. С. 60–62.

¹³⁵ Haushofer K. Allgemeine politische Geographie und Geopolitik. Heidelberg, 1951. Bd. 1. S. 16.

ренившихся политических форм, чем более открытые миру океанические империи, и Россия из их числа¹³⁶.

При изучении новых территориальных конфликтов следует учитывать две группы факторов, связанных с государством и политикой. Анализируя первую группу факторов, обратим внимание на то, что государство, пройдя (по С. Виру) через аристократический, либерально-демократический и коллективистский периоды своего развития, выработало новые типовые черты:

- 1) политическая структура основана на поддержке и участии;
- 2) структура власти носит корпоративный и технократический характер;
- 3) в экономической и социальной сферах политика является коллективистской.

Современная политика – это прежде всего практическая деятельность по осуществлению государством своих обязанностей перед обществом. Характер этих обязанностей во второй половине XX в. подвергся коренному пересмотру в смысле обеспечения всем гражданам государства условий для достойного существования. Эти факторы обусловили изменение содержания геополитики. Она начиналась как реакция на территориальные споры между государствами, как наука о влиянии географической среды на внешнюю политику государства. В настоящее время геополитика – это по-прежнему учение о принципах господства на всей Земле с целью максимального обеспечения преимуществ для носителя политической воли, будь то государство или союз государств.

Признавая плодотворным понимание геополитики современными российскими исследователями В. Л. Бабуриным и Ю. Л. Мазуровым как географических аспектов внешнеполитической деятельности и реальной политической деятельности, направленной на изменение всего геополитического пространства, трудно согласиться с их рассмотрением геополитики лишь как раздела политической географии¹³⁷. Искусственно и рассмотрение геополитики как части геоглобалистики¹³⁸.

Для современного российского геополитика С. Б. Переслегина основным предметом геополитики является «взаимодействие и взаимное соотношение географических пространств», методом выступает предложенный Е. Морозовым системный анализ пространственного положения географических факторов, а изучает геополитика «физико-географическую, экономико-географическую, расово-антропологическую, культурно-конфессиональную, семантическую и, наконец, цивилизационную обусловленность динамики международных отношений, мировой торговли, глобальной онтологии человечества»¹³⁹. В то же время С. Б. Переслегин обоснованно рассматривает геополитику как превращенную (деятельную) форму географии «и любых иных пространственных отношений»¹⁴⁰.

Подводя итог, можно в предварительном плане сформулировать современное понятие геополитики, выходящее за пределы узкотерриториального подхода, поскольку современная геополитика включает рассмотрение проблем господства наций и государств над территорией, над ресурсами земли и творческими силами народов, контроля над экологической и демографической ситуациями.

¹³⁶ Фельдман Д. М. Россия и Восточная Европа: от «холодной войны» к новому мировому порядку // Революция 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы: Взгляд через десятилетие. М., 2001. С. 56.

¹³⁷ Бабурин В. Л., Мазуров Ю. Л. Географические основы управления. С. 180.

¹³⁸ Алисов Н. В., Хореев Б. С. Экономическая и социальная биография (общий обзор). С. 79. О современной геополитике см. там же. С. 78–88. О Центрально-Европейском геополитическом пространстве см., напр.: Молнар Г. Восточная Центральная Европа после первой волны расширения НАТО // Россия и Центральная Европа в новых геополитических реальностях. Сб. ст. участников III международной научной конференции. М., 2000. С. 104–109.

¹³⁹ Переслегин С. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: основные понятия геополитики // Классика геополитики, XIX век: Сб. М., 2003. С. 683.

¹⁴⁰ Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. М.; СПб., 2005. С. 17.

Сводя все отмеченные существенные моменты понятия геополитики воедино, мы увидим, что **геополитика – это наука**

(1) о влиянии территории и всей географической среды на внешнюю и внутреннюю политику государства;

(2) о возникновении и пресечении соблазнов мирового господства под тем или иным лозунгом (флагом, принципом и т. п.);

(2) о подготовке народов и их государств к выживанию и совершенствованию в условиях потенциальных конфликтов.

Как писал великий русский ученый и геополитик Д. Н. Менделеев, «жизнь народов складывается из тех же кирпичей индивидуальных интересов и начинается также снизу, с интересов массы, а цементом всегда служит обладание территорией и государственная организация»¹⁴¹.

Приведем лишь один пример геополитического осмысления проблем. 26 октября 1994 г., накануне и во время обсуждения в ООН резолюции о снятии американской экономической блокады Кубы, только США и Израиль голосуют против самого рассмотрения этого вопроса. Одновременно в адрес России звучит дикий, по российским понятиям, упрек: Куба от России далеко, поэтому русским о Кубе лучше помолчать. Скромно не замечается, что по такой логике и США не следует беспокоиться о проблемах Персидского залива, в который, как известно, Миссисипи не впадает. За неделю до обсуждения в ООН вопроса о снятии экономической блокады Кубы перед слушателями военно-морского колледжа в городе Ньюпорт выступила постоянный представитель США в ООН госпожа М. Олбрайт, заявившая: «Национальные интересы России не должны выходить за рамки ее границ»¹⁴². Это – классическая геополитика (влияние географических факторов на внешнюю политику) в современном виде – четкое обозначение установленного мирового господства. Когда Российское государство называлось СССР, никто за него не решал вопросы о пределах его национальных интересов. «Постиндустриализм взрывает исторические традиции и национально-государственные границы (отсюда тезисы рубежа 1980—1990-х годов о «конце истории» и «конце географии»), – пишет Г. Гловели, – но не устраняет геополитических и геоэкономических противоречий в мирохозяйственном развитии»¹⁴³.

Геополитика есть учение о рациональных основах международных отношений, когда все стороны вынуждены считаться с «мистической сущностью государства» (по определению П. Б. Струве) в условиях крайне неравномерного (из-за особенностей научно-технического прогресса) развития государств на различных материках земного шара и при непредсказуемом изменении соотношения сил этих государств.

История XX в. показала, что основной методологический принцип как современной геополитики, так и международных отношений, – это необязательность общечеловеческих ценностей. В геополитике не действуют такие прекрасные заповеди мировых религий, как «не обмани», «не укради», «не убий», хотя каждая из этих заповедей используется для широковещательной риторики по поводу мерзостей, творимых конкурентами, врагами, соперниками.

Достаточно вспомнить войну 1991 г. в Персидском заливе, за которой при всей риторике о правах человека и защите суверенитета Кувейта только ленивый не видел усилий США сохранить свой контроль над ценами на мировом рынке нефти. О бескомпромиссном столкновении национальных интересов свидетельствует британская военная акция на Фолклендах (Мальвинах), да и многие другие примеры.

¹⁴¹ Менделеев Д. И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года // Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 319.

¹⁴² Комсомольская правда. 1994.1 нояб.

¹⁴³ Гловели Т. Лист, Витте и «национальная экономика» в России // Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 19.

Геополитика как межгосударственный рационализм не признает абстрактной интерпретации общечеловеческих ценностей, превыше всего ставит национальные интересы, а точнее интересы господствующих элит. Это означает, что моральный уровень действующих политиков со времен Макиавелли не изменился. Как известно, именно Макиавелли первым теоретически осмыслил разрыв морали и политики. Мораль большинства современных политиков по-прежнему ниже уровня индивидуальной морали и, безусловно, ниже уровня морали общества, которое эти же политики представляют. Хотя само международное развитие заставляет геополитику принять в качестве принципа выживание человечества как единого целого, прежде всего через предотвращение ядерной, климатической и иных катастроф.

Трудно не согласиться с выводом А. Шлезингера о том, что многие политические и внешнеполитические решения продолжают оставаться вопросами осторожности и компромисса, а не проблемами добра и зла¹⁴⁴. Речь при этом идет не об оправдании бытового пессимизма, что прав тот, кто сильнее. Наложение калки политической науки на проблемы устройства и распределения территорий подтверждает вывод о том, что «нравственность государства» в самой своей основе отличается от нравственности индивида. Самопожертвованию индивида корреспондирует безоговорочное самосохранение народа и нации. «Мы принадлежим человечеству и потому не можем быть равнодушны к его преуспеянию; но мы прежде всего русские, точно так, как Лист и князь Бисмарк – немцы, а потому совершили бы преступление, жертвуя ближайшими и насущными нуждами нашей родины ради отдаленных и гипотетических интересов человечества»¹⁴⁵.

Гражданин, приносящий себя в жертву ради жизни других людей – герой; государственный деятель, приносящий в жертву свой народ ради жизни другого народа – гнуснейший преступник. Как следствие, политическая деятельность – это та область, в которой практичным взвешенным оценкам должен отдаваться приоритет перед моральными суждениями. Морально для государственного деятеля то, что соответствует ценностям и интересам представляемого им народа.

¹⁴⁴ Шлезингер А. Циклы американской истории / Пер. с англ. М., 1992. С. 105–106.

¹⁴⁵ Граф С. Ю. Витте. По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист // Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 268.

Глава 2

Территориальные аспекты государственного суверенитета

2.1. Территориальный суверенитет

Компетенция государства в отношении его территории определяется понятиями суверенитета и юрисдикции. Так, в Декларации о государственном суверенитете РСФСР (1990 г.) было заявлено: «Первый Съезд народных депутатов... торжественно провозглашает государственный суверенитет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на всей ее территории...», «Территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума».

Суверенитет как политический и правовой принцип определяет отношения между государством и гражданином, и отношения между государствами. При этом, как отмечал еще Г. Еллинек, суверенитет не абсолютная, а историческая категория¹⁴⁶. Изначально суверенитет признавался только за монархом (сувереном), как, впрочем, и все государство отождествлялось с государем. Ныне даже монархическая Конституция Великого Герцогства Люксембург, принятая в 1868 г., провозглашает, что «Суверенитет принадлежит нации. Великий герцог осуществляет его в соответствии с настоящей Конституцией и законами страны» (ст. 32, действующая в ред. 1919 г.).

Суверенитет не только является исторической категорией, но и характеризует юридическую природу осуществляющегося государственного властвования, является тем необходимым критерием, который дает возможность отличить государство от других публично-правовых союзов, отграничить сферу властвования каждого государства как субъекта суверенной власти в пределах своей территории от сферы власти других государств¹⁴⁷. Рассматривая различные аспекты суверенитета, говорят о внутреннем и внешнем суверенитете.

Многие грани суверенитета как категории государственного права и международной политики были обстоятельно и ярко проанализированы выдающимся советским юристом И. Д. Левиным¹⁴⁸. Отметим лишь для предмета нашего исследования, что если Марсилиус Падунский, Гоббс или Б. Спиноза шлифовали понятие государственного суверенитета, то Ж.-Ж. Руссо говорил об установлении суверенитета народом, и суверенитет для него – это осуществление всеобщей воли и только ее¹⁴⁹. Для Гегеля носителем суверенитета являлся мировой разум, воплощенный в государстве. Если Ж. Бодэн был уверен, что суверенитет есть не что иное, как сама «полная и абсолютная власть государства»¹⁵⁰, то Г. Еллинек рассматривал суверенитет лишь как свойство государственной власти, «способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению»¹⁵¹.

В контексте нашего исследования важно исходить из того, что в правовом отношении суверенитет «есть состояние полновластия государства на своей территории и его независимости от других государств»¹⁵². При этом можно согласиться с условным выделением юри-

¹⁴⁶ Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 456.

¹⁴⁷ Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 566.

¹⁴⁸ См.: Левин И. Д. Суверенитет. М., 1948. Переиздана в 2003 г. См. также: Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2005.

¹⁴⁹ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М., 1938. С. 21.

¹⁵⁰ Цит. по: Левин И. Д. Суверенитет. СПб., 2003. С. 19.

¹⁵¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 456.

¹⁵² Левин И. Д. Суверенитет. С. 71.

дического суверенитета как высшей власти органов государства, зафиксированной в законе, регулируемой правом и, следовательно, осуществляемой в правовых формах, и суверенитета политического как высшей власти класса, господствующего в государстве, являющегося реальным основанием самого закона и в этом смысле стоящей «над» законом, являющейся источником всякого права. Соотношение политического и юридического суверенитетов есть соотношение содержания и формы¹⁵³. Выделяя две стороны суверенитета – формально-юридическую и фактическую, М. Н. Марченко рассматривает первую в качестве своеобразной политико-правовой формы государственного суверенитета, а вторую – как его материальное содержание¹⁵⁴.

Теоретические споры вокруг проблемы суверенитета давно уже стали ключевым инструментом политического противоборства. В качестве примера В. Л. Цымбурский справедливо приводит попытку литовского ученого А. Бурачас свести всю идею суверенитета к правам нации и личности, забыв и Ж. Бодена и всю историю этой идеи¹⁵⁵. В контексте вполне конкретных политических интересов литовской политической элиты начала перестройки А. Бурачас утверждал, что суверенитет есть не что иное, как «совокупность полновластия нации и прав, гарантирующих независимость личности... Суверенитет нации выражается в первую очередь в возможностях ее свободного политического самоопределения, в правах нации на занимаемую ею испокон веков исторически сложившуюся территорию, ее природные и ископаемые ресурсы, также в верховенстве ее законодательства и избранной ею государственной власти, в национальном гражданстве»¹⁵⁶. Таким образом, мы видим не только отождествление нации с этносом, отрицание по умолчанию суверенитета народа, но и растворение государственного суверенитета в том же суверенитете нации. Некий, не поддающийся определению «суверенитет» личности выдвигается при этом лишь декоративным прикрытием этнонациональных притязаний. А какова же при этом роль государства?

Своего рода ответ на этот вопрос содержится в «Тюремных тетрадах» А. Грамши. В начале 30-х гг. XX в. он писал: «Поскольку государство есть упорядоченное общество, оно суверенно», вплоть до того, что оно не может иметь юридических границ (для него не могут служить границей субъективные нормы публичного права, ибо они могут быть изменены государством во имя новых социальных потребностей)¹⁵⁷. Многие современные юристы вводят понятие «суверенитет» в качестве одного из сущностных при определении самого понятия «государство». Например, по мнению Н. А. Ушакова, «государство – особая организация по управлению делами существующего на определенной территории человеческого общества, обладающая специфическим свойством суверенитета»¹⁵⁸. Н. А. Ушаков дает следующее определение государственной территории: «Государственная территория – это земное пространство, находящееся под суверенитетом данного государства. Соответственно, негосударственная территория – земное пространство, не находящееся под суверенитетом какого-либо государства»¹⁵⁹. Сам суверенитет, по мнению некоторых отечественных правоведов, может быть только неограниченным. Так, по утверждению Д. Л. Златопольского, «государственный суверенитет вообще не может быть ограничен потому, что... он представляет собой опреде-

¹⁵³ Там же. С. 62–63.

¹⁵⁴ Марченко М. Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 6.

¹⁵⁵ См. Цымбурский В. Л. Идея суверенитета в посттоталитарном контексте // ПОЛИС (Политические исследования). 1993. № 1. С. 18.

¹⁵⁶ Бурагас А. Суверенитет // 50\50: Опыт словаря нового мышления / Под ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М., 1989. С. 519.

¹⁵⁷ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. С. 239.

¹⁵⁸ Ушаков Н. А. Суверенитет и его воплощение во внутригосударственном и международном праве // Моск. журнал межд. права. 1994. № 2. С. 4.

¹⁵⁹ Там же.

ленное свойство государства, в силу которого оно является независимым и самостоятельным как внутри, так и вне пределов своих границ»¹⁶⁰.

Но такое романтическое понимание суверенитета вступило в противоречие с послевоенными реалиями. В 1945 г. после поражения гитлеровской Германии четыре союзные державы – СССР, США, Великобритания и Франция – приняли на себя верховную власть в Германии, распределив между собой ее территорию по соответствующим зонам оккупации. При этом Германское государство продолжало существовать, а фактическое ограничение его суверенитета не вело к формальному переходу этого суверенитета к оккупационным державам.

Следовательно, необходимо говорить о территориальном суверенитете как о высшей власти государства, непрерывно осуществляемой в пределах конкретного пространства. Территориальный суверенитет Германии определялся, во-первых, продолжением ее существования в качестве субъекта международного права и, во-вторых, признанием принадлежности территории этому субъекту права, а не тем государствам, которые ею в данный момент управляли. ФРГ пошла дальше. Статья 23 Конституции ФРГ 1949 г. гласила: «Настоящий Основной закон распространяется в первую очередь на территории земель Бадена, Баварии, Бремена, Большого Берлина, Гамбурга, Гессена, Нижней Саксонии, Северной Рейн-Вестфалии, Рейнланд-Пфальца, Шлезвиг-Гольштейна, Вюртемберг-Бадена и Вюртемберг-Гогенцоллерна. В остальных частях Германии он вступает в силу по их присоединении»¹⁶¹. Таким образом, подчеркивалось, что ФРГ – это еще не вся Германия, территориальные же пределы Германии не оговаривались.

Сказанное подтверждается механизмом рождения ФРГ и ГДР, когда для дипломатического признания вновь образованных государств потребовалось формальное признание мировым сообществом, во-первых, факта раскола Германии на два равноправных государства и, во-вторых, закрепления за каждым из этих государств соответствующих территорий, оккупированных союзными державами. Подобно тому как территориальные отношения есть один из видов международных отношений, территориальный суверенитет, писал видный российский юрист П. Казанский, есть «право государства самостоятельно устраивать свои территориальные дела»¹⁶².

Иной была ситуация с территориальным суверенитетом Австрии, освобожденной от гитлеровцев в 1945 г. Государственным договором о восстановлении независимой и демократической Австрии от 15 мая 1955 г. Австрию, подвергнутую в 1938 г. аншлюсу (насильственному присоединению к Германии), Союзные и Соединенные Державы именно *восстановили* как суверенное государство, взяв на себя обязательство уважать ее территориальную целостность. Австрии был запрещен политический или экономический союз с Германией. Интересно, что на Австрию *возлагалась обязанность* не наносить ущерба своей территориальной целостности, политической или экономической независимости (п. 2 ст. 4 Договора)¹⁶³. Последовательно решалась задача предотвратить повторное включение Австрии в состав объединенной Германии.

Идея суверенитета, присутствовавшая и в ранних теологических трактовках государства, специфически трансформируется в их современных вариантах. Так, в Конституции Исламской Республики Иран закреплено, что абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу, который дал человеку власть над своей общественной жизнью, и никто не может отобрать у человека это Божественное право, не может поставить его на службу интересам какого-то

¹⁶⁰ Златопольский Д. Л. СССР – федеративное государство. М., 1967. С. 256–257.

¹⁶¹ Конституции зарубежных государств: Учебное пособие. М., 1996. С. 163.

¹⁶² Казанский П. Договорные реки: Очерки истории и теории международного речного права. Т. 2. Казань, 1895. С. 40.

¹⁶³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 18. Ст. 361.

человека или группы людей. Народ осуществляет это право, данное Богом, так, как это указано в Конституции (ст. 56 Конституции ИРИ 1979 г.).

Юридическая природа государственной территории раскрывается:

- 1) в соответствующих властных установлениях государства;
- 2) в отношениях одного государства с другими государствами по поводу территории.

Территория не находится и по своему содержанию не может находиться в неких правовых отношениях с государством, она его элемент. Правоотношения возможны только между государствами (нациями) по поводу территорий. Как юридическое понятие территория государства может рассматриваться лишь опосредованно, через правовой режим, установленный в отношении территории на основании принципа территориального верховенства.

Суверенитет государства распространяется за пределы его сухопутной территории и его внутренних вод на морской пояс, примыкающий к его берегу и называемый территориальным морем. Суверенитет прибрежного государства распространяется на воздушное пространство над территориальным морем, равно как и на поверхность и недра его дна (ст. 1 и 2 Конвенции 1958 г. о территориальном море и прилегающей зоне). В состав государственной территории Российской Федерации, как прежде и СССР, входят не только уже открытые, но и могущие быть открытыми в будущем все земли и острова, находящиеся в пределах Арктического сектора.

2.2. Территория и нормы права. Юрисдикция государства

Территориальные пределы действия права – это сфера политики. Политика государства через принципы права находит свое воплощение в законодательстве. Не случайно все правовые системы предполагают (явно или по умолчанию), что «в случае отсутствия законодательных установлений необходимо соблюдать политику государства» (ст. 6 Общих положений гражданского права КНР). Есть и другой аспект этой проблемы. Правовой вакуум может быть и случайным, и преднамеренным. Именно политика определяет, где действует закон, а где ему нет места.

В отрыве от территориального аспекта невозможно уяснить понятие правовой нормы. Сами по себе правовые нормы выступают в качестве социальных моделей и принципов (даже в части конструирования тех или иных юридических механизмов), обязательный характер которых начинается лишь с определения границ пространства принудительного действия этих норм.

Сказанное относится к нормам отраслей любого национального права. Территориальную обусловленность, например, закрепляет параграф 1 ст. 2 Федерального закона Австрийской Республики «О правовом положении национальных меньшинств» (1976 г.), а статья 8 Общих положений гражданского права КНР (1986 г.) содержит принцип: «При осуществлении гражданской деятельности в пределах территории Китайской Народной Республики применяются законы и положения Китайской Народной Республики, если законодательством не предусмотрено иное. Относящиеся к гражданам положения настоящего Закона применяются к находящимся в пределах территории Китайской Народной Республики иностранцам и лицам без гражданства, если законодательством не предусмотрено иное». Алжирский ордонанс № 65-278 от 16 ноября 1965 г. «О судебной организации» начинался с учреждения пятнадцати судов «на всей национальной территории» (ст. 1), при этом «в границах территориальной юрисдикции» каждого суда учреждались трибуналы; их количество, место пребывания и юрисдикция устанавливались декретом (ст. 2).

Не случайно, когда силами карательных органов США 18 ноября 1978 г. в джунглях Гайаны было совершено массовое убийство 918 американских граждан – членов организации обездоленных жителей США «Храм народов», склонявшихся к эмиграции в СССР, это было

выдано за массовое самоубийство мужчин, женщин и детей. Малейший намек на официальное признание причастности к свершившемуся злодеянию американских спецслужб породил бы обвинения США в проведении политики государственного терроризма и попрании суверенитета Гайаны¹⁶⁴.

В межгосударственных отношениях для признания и применения конкретных норм права потребовалось закрепить в соответствующих актах не только взаимные обязательства защищать территориальную неприкосновенность и политическую независимость, но и объединить усилия в достижении общих целей (гл. I Устава ООН). Любой международный договор, если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, обязателен для каждого участника в отношении всей его территории (ст. 29 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.).

С изменением территории, например в результате размена ее спорными участками между государствами, автоматически, т. е. без какого-либо дополнительного решения, изменяется (начинается или прекращается) действие правовых норм соответствующего государства на всем пространстве, претерпевшем изменения.

Территориальная юрисдикция (*jurisdictio* (лат.) – судопроизводство) представляет собой установленную законом (или иным нормативным актом) совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и решать дела о правонарушениях, т. е. оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности, применять юридические санкции к правонарушителям¹⁶⁵, судебный, законодательный и административный аспекты общей правовой компетенции государства. Юрисдикция всегда имеет территориальный характер, выражающийся в прямой зависимости предмета юрисдикции от его пространственного местонахождения, режима территории и разумности интересов той юрисдикции, которую стремятся осуществить. Наиболее ярко это проявляется в уголовной юрисдикции, где непреложно признается принцип принадлежности юрисдикции судам того места, где совершено преступление.

В прошлом именно территориальное верховенство, воплотившееся в феодальной юрисдикции, стало основой определения подданства (а со временем – и гражданства) по территориальному принципу – принципу «почвы». Отсюда же берет начало институт натурализации.

Юрисдикция в точно установленных законом пределах и случаях осуществляется органами государственной власти (судом, органами исполнительной власти, разного рода инспекциями, администрацией предприятий и учреждений) и органами общественности (например, судами чести или товарищескими судами). Решения любого органа вне пределов его юрисдикции являются незаконными и подлежат отмене.

Так, таможенные органы государства осуществляют действия по исполнению таможенной функции государства. Сфера их деятельности создает таможенную территорию соответствующего государства. Она полностью совпадает с общей территорией государства, даже когда в таможенной территории государство выделяет территории (зоны) особого экономического развития. Во всех случаях юрисдикция распространяется на всю территорию государства.

Понятие юрисдикции значительно уже понятия территориального верховенства. Но, с другой стороны, юрисдикция государства может осуществляться и в районах, где государство не осуществляет территориального верховенства. Так, согласно морскому праву прибрежное государство может в определенных случаях осуществлять контроль в зоне открытого моря, прилегающей к территориальному морю¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Подробнее см.: Алинин С. Ф., Антонов Б. Г., Ицков А. Н. Гибель Джонстауна – преступление ЦРУ. М., 1987.

¹⁶⁵ Пиголкин А. С. Юрисдикция // Юридический энциклопедический словарь. 2-е изд. / Под ред. А. Я. Сухарева. М., 1987. С. 526.

¹⁶⁶ См.: Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. С. 11.

При неизменности территории государства процесс развития правовой системы идет по своим внутренним законам и зависит лишь от социально-экономической и политической ситуации в обществе. В этом случае правовые нормы претерпевают изменения по существу при сохранении неизменным общего правового пространства государства.

2.3. Неделимость и неотчуждаемость государственной территории

Большинство конституций специально оговаривают единство и неделимость государств (ст. 5 Конституции Италии 1948 г., ст. 1 Конституции Франции 1958 г. в ред. Закона 1995 г., ст. 1 Конституции Алжира 1976 г., ст. 9 Конституции Ирана 1979 г.), либо их единство и территориальную целостность (Преамбула Конституционного акта Канады 1867 г., Преамбула и ст. 4 Конституции Российской Федерации 1993 г.).

Существенным признаком территориального верховенства государства является принцип неотчуждаемости государственной территории. Он предполагает, что никакая часть государственной территории не может быть отчуждена в какой-либо форме другому государству, кроме как в силу собственного свободного решения передающего ее государства. Утрачивая территорию, государство (но не государственность) исчезает. То, что правительства таких государств иногда находят убежище за границей и продолжают признаваться другими государствами – слабое утешение для народа. Например, во время Второй мировой войны говорить о Польше и Бельгии как о самостоятельных государствах после захвата их территории немецкими фашистами было уже нельзя. Основная задача правительств в изгнании – прекращение вражеской оккупации, восстановление своей юрисдикции над территорией.

В то время как суверенитет есть юридическое обозначение статуса государства, именно поэтому его первый признак – это постоянство, юрисдикция государства характеризует конкретные аспекты этого статуса, прежде всего определенные права, привилегии и компетенцию.

В компетенцию государства включают значительные права в отношении внутренней организации и распоряжения территорией.

Существуют ситуации, когда и без передачи всей территории одного государства другому принцип неотчуждаемости территории нарушается в такой мере, что может возникнуть вопрос о территориальном верховенстве этого государства. Примеры тому: размещение чужих военных баз, воинских подразделений на территории. Если это сделано даже на основе договора и взаимного согласия, но при политическом или ином давлении более сильного государства – такую ситуацию можно квалифицировать как ущемление независимости и самостоятельности соответствующего государства. Не случайно в конституциях отдельных государств прямо закреплен запрет размещения каких-либо иностранных военных баз на территории страны даже в мирных целях (см., например, ст. 146 Конституции Ирана).

Нельзя к тому же не упомянуть, что за государством, размещающим на территории другого свои вооруженные силы, признается право юрисдикции в отношении личного состава войск, его имущества. Здесь мы говорим о распространении юрисдикции на лиц и имущество, но не на территории. Если же иностранное государство стремится к ликвидации территориального суверенитета другого государства, подмене его своим собственным суверенитетом, то принцип неотчуждаемости нарушается, следствием чего является утрата государственного суверенитета либо полностью, либо в отношении рассматриваемой части территории.

Осуществление государством своих суверенных прав не всегда соединено с реализацией территориального суверенитета. Так, право прохода не обязательно предполагает суверенитет над соответствующими участками территории.

Вопрос о допустимости отчуждения прав на территорию одного государства в пользу другого государства был и останется одним из наиболее злободневных. Исходным моментом в

решении этой проблемы выступает признание за государством как за субъектом международных отношений права публичной международно-правовой собственности на свою территорию. Б. М. Клименко обоснованно подчеркивает, что это собственность особого рода, далеко не тождественная гражданско-правовой собственности¹⁶⁷.

Развивавшиеся в послевоенной Европе идеи о том, что современные тенденции (развитие международных отношений, формирование системы международных экономических, профессиональных, научных и иных организаций, современных средств связи, попытки унификации законодательств различных государств, международного регулирования путем конвенций, примат международного права и т. п.) направлены на умаление значения, обесценивание территории, и последняя более не является сферой исключительного влияния государственной власти, не выдержали испытания временем. Нет оснований считать, что решение глобальных проблем человечества невозможно при существовании государственных границ. Стабильность территории утверждается с появлением понятия «государственная граница», которое ориентировочно возникло к XI в., но получило современное понимание позднее лишь с развитием картографии.

Приобретение и потеря государственной территории означает, как подчеркивал Ф. Лист, приобретение и потерю территориального верховенства, или государственной власти, господства не над страной, но внутри страны, над людьми¹⁶⁸. Завладение как установление территориального верховенства на территории, не имевшей до того государственной принадлежности, отличается как от военного занятия, при котором отсутствует намерение прочно овладеть территорией, так и от установления протектората над государством, продолжающим сохранять свой международно-правовой статус.

Современное государство не воспринимается иначе, как в пределах четко ограниченного пространства. Его внутренние, административно-территориальные границы определяются исключительно самим государством, обычно его органом высшей власти.

В 1972 г. в разговоре с писателем Ф. Чуевым В. М. Молотов, подчеркивая решающую роль И. В. Сталина в формировании карты нынешних независимых государств, говорил: «Одно создание среднеазиатских республик – это целиком его, сталинское дело! И границы, и само открытие целых народов, которыми никто не интересовался в центре и не знал их по-настоящему... Ведь острая борьба шла. Казахи, например, их верхушка, дрались за Ташкент, хотели, чтоб он был их столицей. Сталин собрал их, обсудил это дело, посмотрел границы и сказал: "Ташкент – узбекам, а Верный, Алма-Ата – казахам". И стоял на этом нерушимо»¹⁶⁹.

Таким образом геополитической реальностью стали и границы «Северного Казахстана», произвольно провозглашенные в основной своей части в 1922 г. Сибревкомом. И нет никаких актов СССР или РСФСР. По оценкам современных исследователей, в основе решений об этих границах – региональные соглашения местных чиновников о границах, когда «ВЦИК не диктовал свою волю, а в лучшем случае утверждал то, о чем договорились стороны на местах»¹⁷⁰. Произвол в государственно-территориальном устройстве СССР продолжался и позже, когда многократно перекраивались границы российских северокавказских республик и краев, менялась принадлежность отдельных участков территории в других регионах.

В качестве яркого примера произвола можно привести и государственное решение по Республике Немцев Поволжья. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. было «признано необходимым»:

¹⁶⁷ Там же. С. 25..

¹⁶⁸ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 117–118.

¹⁶⁹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 279.

¹⁷⁰ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России: В 3 кн. Кн. 1. М., 1992. С. 315.

«1. Включить в состав Саратовской области нижеследующие районы бывшей Республики немцев Поволжья: Бальцерский, Золотовский, Каменский, Терновский, Куккусский, Зельманский, Красноярский, Марксштадтский, Унтервальденский, Федоровский, Гнаденфлюрский, Краснокутский, Лизандергейский, Мариентальский, Экегеймский.

2. Включить в состав Сталинградской области нижеследующие районы бывшей Республики немцев Поволжья: Франкский, Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский»¹⁷¹.

Но если этот случай касался вопросов внутреннего устройства РСФСР, то в 1954 г. Крымская область РСФСР была передана в состав УССР, в 1956 г. Карело-Финская ССР была преобразована в Карельскую АССР и включена в состав РСФСР. Не будь последнего акта, в 1991 г. на обломках СССР механически возникло бы еще одно суверенное государство.

Эти и подобные им территориальные переделы часто происходили без соблюдения надлежащих правовых процедур. Если рассматривать СССР как единое государство, то такие способы изменения территорий могут быть отнесены к существенным, но стандартным изменениям внутренних административных границ. С учетом же федеративного характера СССР приходится признавать полное игнорирование конституционных гарантий неотчуждаемости государственной территории и нарушение ряда других правовых принципов.

Исключения из общего правила неотчуждаемости частей государства. Исходя из принципа, что «территория как в целом, так и в ее части составляет общую нераздельную собственность народа и потому находится в его свободном распоряжении», Г. Гроций допускал отчуждение власти над необитаемой или безлюдной территорией, но только народом или царем с последующим согласием народа¹⁷².

В России всегда господствовал принцип обеспечения территориальной целостности государства всеми возможными средствами. «Чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому», – говорил в XX в. И. В. Сталин¹⁷³.

Из общего правила о неотчуждаемости частей государства юристы издавна делали два исключения: *отчуждение по соображениям государственной пользы и в силу крайней необходимости*. Гроций сделал справедливое уточнение, полагая необходимым в первом случае согласие всего народа и его частей¹⁷⁴.

Когда часть территории государства или какая-либо иная территория, за международные отношения которой государство несет ответственность, становятся частью территории другого государства:

а) договоры государства-предшественника утрачивают силу в отношении территории, являющейся объектом правопреемства государств, с момента правопреемства;

б) договоры государства-преемника приобретают силу в отношении территории, являющейся объектом.

Уступка территории, отказ в праве прохода через территорию (по договору), например советским войскам через территорию Польши накануне Второй мировой войны, безусловно, требуют соответствующего правового оформления.

¹⁷¹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1975: В 4 т. Т. 1. М.: Известия советов депутатов трудящихся СССР, 1975. С. 81.

¹⁷² Гроций Г. О праве войны и мира. С. 268.

¹⁷³ Сталин В. И. Вопросы ленинизма. М., 1934. С. 361.

¹⁷⁴ Там же.

2.4. Союзное государство и проблема консолидированного суверенитета. Совмещенный суверенитет (кондоминиум)

В начале XXI в. на фоне укрепления Европейского Союза, проблем российско-белорусского Союзного государства и других интеграционных процессов на постсоветском пространстве особое внимание заслуживает доктрина союзного государства.

Н. М. Коркунов, рассматривая соединения государств между собой, выделял две их основные формы: унию и федерацию, личные и реальные унии как объединения под властью одного монарха нескольких не соединяющихся государств относил к наследию старины, федерации же подразделял на союзы государств и союзные государства¹⁷⁵. С позиции современного научного знания и исторического опыта следует разграничивать понятия союзного государства от государства федеративного. *Союзное государство* — это государственное образование, в состав которого по своему добровольному выбору входят в качестве субъектов не менее двух государств. Союзное государство — только договорное объединение. Союзная форма имеет, по словам Б. Н. Чичерина, ту выгоду, что открывает возможность дать известное удовлетворение различным народностям, сохраняя при этом единство целого¹⁷⁶. Б. Н. Чичерин, подразделяя, в отличие от Н. М. Коркунова, не федерации, а союзы на две главные категории — союз государств и союзное государство, — первый определял как постоянное соединение самостоятельных государств для известных общих целей, а второе — как слияние нескольких государств в одно, но такое, которое сохраняет за своими членами часть их самостоятельности¹⁷⁷.

Федерация как форма государственного устройства может быть как договорной, так и конституционной, состоит в обоих случаях из автономных государственных образований, а то и просто из субъектов государственно-территориального типа. Союзные государства можно определить как особый вид федерации (ввиду структурно-организационного совпадения с этим типом государственного устройства), хотя тем самым теория государства необоснованно упрощается.

При договорном характере возникновения союзного государства следует особо подчеркнуть, что оно не может быть основано каким-либо договором как международно-правовым актом. Если оно создается по инициативе государств, не связанных ранее государственно-правовыми отношениями, то заключаемые ими договоры предшествуют его конституированию. Государства, подписывая предварительные договоры, предварительно санкционируют акт создания союзного государства и само создание союзного государства. Правовой основой союзного государства может быть только национальный акт, в осуществлении которого участвуют государства в качестве историко-социальных сил. Этот механизм отчетливо виден уже на примере организации первого союзного государства — Северо-Американских Соединенных Штатов: не совместная борьба за независимость и даже не соединивший тринадцать государств (штатов) союз дружбы, скрепленный статьями конфедерации в 1778 г., стали началом союзного государства, а только общая конституция 17 сентября 1787 г.

Для Швейцарской Конфедерации переходом от союза государств к союзному государству также стала принятая на основе Союзного договора 1815 г. Союзная конституция 12 сентября 1848 г., для Германии — Германская имперская конституция 1871 г.

Государственная власть в союзном государстве исходит от его отдельных членов, связанных в одно государственное единство. Г. Еллинек связывал возможность существования союз-

¹⁷⁵ См.: Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. 3-е изд. СПб., 1899. С. 141–143, 150–153.

¹⁷⁶ Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. С. 194.

¹⁷⁷ Там же. С. 184.

ных государств только с отрицанием суверенитета как признака государства и различием суверенных и несуверенных государств¹⁷⁸. Иной подход, по его мнению, требовал относить соответствующее государственное образование или к союзу государств, или к единому государству. М. Зайдель, напротив, отвергая теорию делимости суверенитета, рожденную после появления США и основывающуюся на предположении двоякого разграничения суверенных властей – территориальное и по предметам ведения, – совершенно отрицает понятие союзного государства. Н. М. Коркунов и П. Казанский, например, в этом споре солидаризировались с Г. Еллинеком¹⁷⁹.

С точки зрения международного права, союзное государство должно было удовлетворять, по мнению Ф. Ф. Мартенса, двум основным условиям: обладать верховной союзной властью и быть единой международной личностью; будучи единым субъектом международного права, оно должно было лишать этого качества государства, подчиненные общей союзной власти¹⁸⁰. Это механизм трансформации союзного государства в федерацию.

До начала XX в. в Германии существовала уникальная ситуация: два великих герцогства – Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Стрелиц – при двух различных династиях были соединены одним общим сеймом. Причина была не в объединении государств, а, напротив, в разделении одного государства в 1552 г. между двумя наследниками, против чего выступило бюргерство, настоявшее на сохранении общего сейма. Впрочем, странность ситуации не препятствовала в международных отношениях столетиями признавать отдельные суверенитеты двух монархов.

Поскольку и ныне мнения ученых колеблются от отнесения федерации к составным государствам, части которых (государства или государственные образования) обладают суверенитетом¹⁸¹, до категоричного утверждения, что государственные образования, входящие в состав федеративного государства, «не обладают полным суверенитетом, т. е. самостоятельностью и независимостью по всем вопросам внутренней и внешней политической жизни»¹⁸², то следует отграничить суверенитет союзного государства от суверенитета государства федеративного.

Избавиться от противоречивых крайностей – отсутствия союзного суверенитета и, напротив, существования «несуверенных» государств – возможно только через признание возникновения нового суверенитета на основе объединения нескольких суверенитетов государств в единый союзный суверенитет при признании сохраняющимся суверенитета у каждого государства, включающегося в союзное государство. Именно такой подход только и может объяснить присутствие в 1946–1991 гг. среди полноправных членов ООН одновременно СССР, Белорусской ССР и Украинской ССР.

В союзном государстве существует **консолидированный суверенитет**, означающий совместное (объединенное) осуществление соединившимися государствами верховенства своей государственной власти над объединенной территорией. Ключевое значение для параллельного существования консолидированного суверенитета союзного государства и суверенитетов государств, в нем состоящих, имеют два момента:

1) разделение компетенции, в результате которого деятельность отдельных государств-членов либо совершенно прекращается и заменяется собственным управлением союзного государства, либо приобретает очень ограниченный характер, когда органы власти государства-члена действуют на основании законов и под контролем союзного государства. В

¹⁷⁸ Еллинек Г. О праве войны и мира. С. 727.

¹⁷⁹ Подробнее см.: Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. С. 145–149; Казанский П. Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса, 1904. С. 68.

¹⁸⁰ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. С. 252.

¹⁸¹ См.: Комаров С. А. Общая теория государства и права: Курс лекций. М., 1996. С. 58; Теория государства и права: Учебник / Под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 1997. С. 183.

¹⁸² Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учебник. М., 1998. С. 47.

пределах компетенции союзного государства исчезают все различия государств-членов, осуществляющих свой суверенитет посредством участия в формировании верхней палаты союзного государства, а иногда и иных его органов;

2) различие в статусе субъектов союзных государств от субъектов Федераций. От унитарного государства оно отличается тем, что находящиеся в его составе государства вне компетенции, отнесенной к союзному государству, сохраняют свой статус, прежде всего в вопросах их самоорганизации. В отличие от исторически сложившейся федерации, способной как создавать, так и ликвидировать свои составные субъекты, союзное государство строится по принципу: неразрушаемый союз, составленный из неразрушаемых единиц.

В союзном государстве территория составляющих его государств есть его территория, население этих государств – это его население. Союзное государство, доказавшее свою международно-правовую и внутривнутриполитическую состоятельность, становится со временем договорной федерацией. Наличие консолидированного суверенитета отличает современное союзное государство и обнаруживает промежуточную форму государственного властвования между параллельными суверенитетами при союзе государств и суверенитетом единого федеративного государства. В пределах своей компетенции союзное государство, как и государство федеративное, однородно с государством унитарным. Оно непосредственно господствует над своей территорией и своим населением, отличаясь тем от союза государств.

В союзном государстве отдельные его государства-члены принципиально равны, любые отклонения от этого принципа должны закрепляться в конституции.

Следует различать союзные государства по механизму их возникновения: в результате объединения суверенных государств (США, Германская империя, СССР), и в результате обретения внутренними территориями государства суверенитета (Бразилия, Венесуэла). В последних случаях доктрина раздельного суверенитета черпает аргументы для утверждения о том, что в союзном государстве существует разделение верховного господства власти между союзным государством и его членами. Но, во-первых, и в союзном государстве существует только одна суверенная государственная власть, во-вторых, члены (субъекты) такого государства суверенны номинально, и их объединение по своей сути является федерацией. Что касается случаев, когда союзное государство создавалось самостоятельно существовавшими суверенными государствами, то, поскольку в них совокупность функций государства реализуется совместно государственными властями союзного государства и его членов, суверенная государственная власть одна, территория и население едины, речь идет, наоборот, о консолидированном (объединенном) суверенитете.

Проблемы суверенитета в союзном государстве так же стары, как и само союзное государство. Еще древние израильтяне после поселения в Палестине сначала (во времена судей) жили в союзном государстве с республиканской формой правления, в которой самостоятельность отдельных колен была близка независимым государствам, но затем объединились в единое царство. Наиболее ярким в XX в. примером союзного государства (а значит и консолидированного суверенитета) являлся Советский Союз. Seriously разработанная правовая теория и богатая политическая практика периода его существования позволяют российским ученым и политикам осмыслительно конструировать и политическую систему, и шкалу политико-культурных, правовых и нравственных ценностей для России третьего тысячелетия.

В советском государственном праве вслед за доктринами Германской империи длительное время господствовала теория ограниченного суверенитета. Но сама возможность существования «ограниченной» высшей (т. е. ничем не ограниченной) власти являлась сомнительной. Очевидно, более точно было говорить о возможных ограничениях осуществления суверенитета.

Если в Конституции СССР 1936 г. сразу за перечнем полномочий высших органов власти и органов государственного управления СССР (ст.14) было по-прежнему записано, что

«суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в ст. 14 Конституции СССР. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет государственную власть самостоятельно. СССР охраняет суверенные права союзных республик», то впоследствии законодатель попытался уйти от терминологии «ограниченного суверенитета».

Конституция СССР 1977 г. зафиксировала статус союзной республики как суверенного советского социалистического государства, которое «вне пределов, указанных в статье 73 Конституции СССР» (перечень предметов ведения высших органов государственной власти и управления), «самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории» (ст. 76).

Более корректно и юридически точно говорить о реализации в СССР как союзном государстве определенной модели консолидированного (совместного) суверенитета. Консолидированный суверенитет может быть достаточно эффективным способом разрешения проблемы территориального верховенства, когда государственная власть осуществляется через сложение политической воли и систем законодательства на объединенной территории нескольких государств. В союзном государстве, писал первый комментатор конституции США Дж. Тэкер, каждый штат «является государством, все еще суверенным, все еще независимым и все еще способным, если того потребуют обстоятельства, принять на себя выполнение своих функций, как таковых, в самых неограниченных размерах»¹⁸³.

В Советском Союзе союзные республики реализовывали суверенитет через общесоюзные органы государственной власти. Именно такой подход нашел свое выражение в первой Конституции СССР (1924 г.) в формуле: «Суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик» (ст. 3). В этом и заключается консолидация осуществления государственной власти.

Автономные республики в рамках СССР никогда суверенитетом не обладали. Изначально лишь подчеркивалось, что каждая такая республика имеет свою конституцию, учитывающую особенности автономной республики и построенную в полном соответствии с Конституцией РСФСР и Конституцией СССР (ст. 92 Конституции СССР и ст. 20 Конституции РСФСР 1937 г.).

Конституция СССР 1977 г. добавила к этому еще норму, что автономная республика вне пределов прав Союза ССР и союзной республики самостоятельно решает вопросы, относящиеся к ее ведению (ст. 82). Развитие российского конституционного законодательства после 1990 г. привело к тому, что в Основном законе было лишь сказано, что статус республики в составе Российской Федерации определяется Конституцией Российской Федерации и конституцией республики и может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом (ст. 66 Конституции Российской Федерации 1993 г.).

Таким образом, в осуществлении консолидированного суверенитета СССР участвовали только союзные республики, наделившие созданные в соответствии с Договором 1922 г. общие высшие органы власти союзного государства делегированной компетенцией. Противоречивость теории советского консолидированного суверенитета способствовала такому плачевному практическому результату, как разрушение СССР.

Ныне в Российской Федерации нет консолидации суверенитетов, несмотря на наличие среди субъектов Федерации 21 республики. Декларации о суверенитете, принятые большинством из них, изначально носили односторонний и безусловно неконституционный характер,

¹⁸³ Цит. по: Левин И. Д. Суверенитет. С. 292.

а потому не имели юридической силы. И хотя в некоторых российских регионах существует мнение о том, что «одностороннее решение федеральных органов власти влечет нарушение права народа на самоопределение и статуса суверенного государства в составе РФ»¹⁸⁴, право наций на самоопределение вплоть до отделения не может и не должно больше быть силой, произвольно ломающей границы государств.

По аналогии с СССР была сконструирована Социалистическая Федеративная Республика Югославия, высшие органы государственной власти которой осуществляли консолидированный суверенитет на территории 6 республик. Развитие в 1989–1992 гг. событий на территориях СССР и СФРЮ показало, насколько опасным может стать привыкание к идее консолидированного суверенитета в тех случаях, когда эта идея опирается на укрепление нескольких моноэтнических государственных систем, а потому не просто призрачна, но и надуманна.

Близким по типу предполагается провозглашенное в 1999 г. российско-белорусское Союзное государство. Характеризуя особенности правовой системы российско-белорусского Союзного государства, нельзя обойти вниманием размышления С. С. Алексеева о **византийском характере** основ этой системы – российского права. Россия, по его мнению, относится к традиционным неотдифференцированным системам, содержание которых во многом определяется религиозными и общинными, традиционными началами, философскими, идеологическими доктринами. Современный феномен византийского права основывается на том, что российская цивилизация утвердилась, в конце концов, в виде абсолютистской монархии теократического, восточно-деспотического типа. И сердцевиной действительно самобытной российской цивилизации стало именно византийское право. «Право, которое, опираясь на догмы православия, по содержанию имеет ряд позитивных черт (склонность к примирительным процедурам, к «миру» и др.), а со стороны своих внешних форм отличается роскошью и украшательством, поразительной способностью создавать видимость»¹⁸⁵.

Говоря об особенностях византийских реалий в современных политических отношениях, в сфере власти, которые – конечно же, с немалой долей условности – как раз и могут быть названы «византийским правом», С. С. Алексеев понимает под ним право в широком значении этого термина, которое при обосновании и оправдании акций на сугубо публично-приказной основе отдает приоритет в социальной жизни идеологическим догмам и идолам, оправдывает во имя самодержавной власти насилие над людьми, расправу над непослушными и одновременно с внешней стороны характеризуется весьма развитыми и престижными юридическими формами¹⁸⁶. И именно такой взгляд на право и правовую систему как Российской Федерации, так и Республики Беларусь позволяет понять, что остается глубинной основой их общности в союзном государстве, по какой причине сами процессы реинтеграции идут противоречиво и крайне медленно.

В отличие от союзного государства другим по своему типу является соединение суверенитетов на территории кондоминиума. Мы имеем дело не с консолидированным территориальным суверенитетом, а с соединением (параллельным) действием нескольких суверенитетов – *совмещенными суверенитетами*.

Кондоминиум. Кондоминиум – совместное владение (от лат. *con* (*cum*) – вместе и *dominium* – владение), совместное управление одной и той же территорией двумя или несколькими государствами. Совмещение суверенитетов при этом может быть как эффективным и, следовательно, стабильным, так и неэффективным, нестабильным, имеющим конфликтный характер.

¹⁸⁴ Комментарий к Конституции Республики Бурятия. Улан-Удэ, 1996. С. 83.

¹⁸⁵ См.: Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 174, 190–191.

¹⁸⁶ Там же. С. 189–190.

Национальная юрисдикция автоматически не распространяется на территорию, находящуюся под специальным режимом кондоминиума.

Унифицированного режима кондоминиума не существует. В каждом отдельном случае режим кондоминиума определяется конкретными обстоятельствами. Здесь не работают аналогии с совместной или долевой собственностью в гражданском праве. Принцип аналогичности вообще требует аккуратности в обращении. Классическим примером служит ситуация 1966 г., когда Генеральная Ассамблея ООН прекратила мандат в отношении Юго-Западной Африки. Возникшие при этом правоотношения между территорией и международной организацией оказались настолько близки по своему характеру территориальному суверенитету, что в пору говорить о международной организации как о носителе своеобразного консолидированного суверенитета.

Кондоминиум выделяется среди других соединенных суверенитетов как совместное территориальное властвование, осуществляемое двумя или более государствами над определенной территорией на основе равенства. Так, в 1878–1884 гг. режим фактического кондоминиума между США, Великобританией и Германией существовал на территории островов Самоа. После периода взаимных попыток избавиться от партнеров, в 1889 г. был подписан тройственный протокол, уже официально утвердивший режим кондоминиума¹⁸⁷.

В период 1899–1951 гг. Великобритания и Египет осуществляли кондоминиум в отношении Судана (Великобритания заявила об аннулировании кондоминиума только в 1956 г.).

Правовым основанием кондоминиума выступает трехсторонний или двухсторонний договор. Но, отталкиваясь вслед за Я. Броунли от того факта, что международное право признает кондоминиум в качестве случая, когда часть территории, состоящая из суши или воды, находится в общем ведении двух или более государств, совместно осуществляющих суверенитет над этой территорией и ее населением, вряд ли можно делать вывод о делимости суверенитета¹⁸⁸.

Подобный подход способен растворить в понятии юрисдикции уже не только территорию, но и сам суверенитет.

Обязательных (основных) признаков кондоминиума четыре:

- 1) вхождение территории в состав обоих государств;
- 2) двойное гражданство;
- 3) многоязычие, то есть наличие нескольких государственных (официальных) языков;
- 4) постоянное нахождение на территории кондоминиума вооруженных сил нескольких государств.

Можно выделить и два **дополнительных**, существующих выборочно, признака кондоминиума:

- распределение государственных должностей и постов в соответствии с законодательно закрепленными квотами для представителей различных национальностей;
- наличие разнообразных механизмов, обеспечивающих стабильность управления подобной территорией во избежание излишних противоречий.

К этим механизмам относятся:

- а) управление территорией по принципу большой коалиции;
- б) предоставление наиболее значимым сегментам политики, например этническим общностям, права взаимного вето, т. е. когда меньшинство, если оно признано одним из государствообразующих элементов, будет способно заблокировать решение, противоречащее его интересам. Например, в Крыму возможно конституирование трех общин: русской, украинской, крымско-татарской;

¹⁸⁷ Подробнее см.: Барраль-Монферра. От Монро до Рузвельта (1823–1905) / Пер. с фр. М.-Л., б.г. С. 126–130.

¹⁸⁸ Броунли. Международное право / Пер. с англ.: В 2 кн. Кн. 1. Т. 1. С. 186.

в) принцип сознательного завышения представительства малых сегментов. Этот принцип может показаться не совсем справедливым, но он способствует удовлетворению амбиций меньшинств и стабильности управления;

г) высокая доля автономности сегмента, когда решаются исключительно его внутренние вопросы.

Для преодоления спорных валютных и финансовых вопросов возможно образование на подобных территориях свободных экономических зон, что приведет к устранению налогов и сборов как вполне вероятной причины конфликтов между государствами, владеющими кондоминиумом. Почему и возникают закономерные варианты кондоминиумов при разрешении политических или, тем более, военно-политических кризисов в связи со статусом Крыма, Абхазии или Приднестровья.

Примером успешного разрешения территориального спора может служить Андорра как кондоминиум Франции и Испании. Территория – 465 кв. км, в режиме кондоминиума Франции и Урхельского епископства (Испания) находится с 805 г. Главой государства считаются соправители – Президент Франции и Урхельский епископ, которым ежегодно традиционно отчисляется 960 франков и 460 песет соответственно. Официальными языками признаны каталонский, испанский, французский. Благоприятные внешнеполитические условия позволили кондоминиуму к концу XX в. развиться в особую форму двустороннего протектората над нейтральной Андоррой.

Кипр дает пример ситуационного кондоминиума: предоставление независимости Кипру было оформлено Цюрихско-лондонскими соглашениями 1959 г. между Великобританией, Грецией, Турцией, представителями греческой и турецкой общин самого Кипра. Раскол острова на греческую и турецкую республики нарушил достигнутые договоренности, создав тупиковую правовую ситуацию.

2.5. Конфедерация

Отсутствие единого территориального суверенитета позволяет отличать конфедерацию как союз государств от союзного и федеративного государств. Но именно государственно-территориальный элемент организации конфедерации отличает ее от коалиции. Коалиция государств (а бывают и внутригосударственные коалиции политических сил) – это временная координация действий двух и более государств, как правило, прежде всего, их вооруженных сил. Конфедерация – межгосударственное объединение, предполагающее большее или меньшее сближение правовых режимов территорий соответствующих государств.

Примерами конфедераций могут быть Швеция и Норвегия до 1905 г., США с 1781 по 1787 г., Швейцария с 1815 по 1848 г. И всегда конфедерация была вынужденной формой соединения государств, либо перерастающей в федерацию, либо разрушающейся на самостоятельные национальные государства. Об этом свидетельствуют и примеры из истории XX в. Объединенная Арабская Республика, образованная Египтом и Сирией в 1958 г., распалась уже в 1961 г. Сенегамбия, созданная путем объединения Сенегала и Гамбии в 1982 г., просуществовала только до 1989 г. В то же время просуществовавшая до 1918 г. Австро-Венгрия уже в середине XIX в. стала классическим союзным государством.

Особое место в истории конфедераций сыграла Ганза, торговый и политический союз северо-германских городов, просуществовавший с середины XIV и до конца XVII в. Ганза, соединившая Любек, Гамбург и 85 других городов (в том числе Ревель/Таллин, Дерпт/Тарту, Рига), расположенных на берегу Северного и Балтийского морей, около Одера, Эльбы и Везера. Роль Ганзейского союза была в монопольном торговом посредничестве между Западной, Северной и Восточной Европой. Силы Союза заключались в наличие сильного торгового и военного флота, сухопутных войск отдельных городов. Внутренняя организация союза

была неопределенной. Высшим органом власти, в том числе высшей судебной инстанцией был общий съезд городов, проходивший обычно в Любеке. Съезды нормировали торговлю, мореплавание, складское хозяйство, денежную единицу и систему мер и весов. Они же принимали меры по охране торговых путей, объявляли войну, заключали договоры. Но все решения съездов приводились в исполнение советами отдельных городов. Мерами наказания к непокорным городам были исключение из Союза и денежный штраф. Последний ганзейский съезд произошел в 1669 г. Но еще долго существовал последний «обломок» Ганзы – союз городов Любека, Бремена и Гамбурга.

В качестве типичных черт конфедерации Ю. А. Тихомиров называет договорную основу ее образования, свободу выхода, отсутствие первичного суверенитета объединения, ограниченный круг предметов ведения государственных органов¹⁸⁹. Б. Н. Чичерин, анализируя конфедерации как личные или реальные унии, относил их как союзы государств к сложным государствам¹⁹⁰. Однако, лишь реальные унии дали первые примеры государственно-территориальной структуры государства и могут быть отнесены к конфедерациям.

Раскрывая понятие конфедерации, можно и иначе выделить характеризующие ее в совокупности признаки:

во-первых, конфедерация является межгосударственным образованием, добровольным союзом (объединением) сохраняющих свой суверенитет государств;

во-вторых, такое объединение имеет определенную функциональную направленность, т. е. императивный мандат действия, определяющий и временные рамки существования конфедерации;

в-третьих, в основании объединения лежит принцип рекомендательности исполнения его решений;

в-четвертых, допускается асимметрия положения субъектов объединения. Каждое государство – субъект конфедерации сохраняет свою международную правосубъектность, право сессии, право исполнения или неисполнения решения, право на свободный выбор форм сотрудничества. В этом смысле и следует понимать А. Эсмана, называющего конфедерацию формой, промежуточной между унитарным и федеративным государствами¹⁹¹.

К признакам, характеризующим определенное организационное устройство в форме конфедерации, А. В. Бутаков относит и наличие у каждого субъекта такого объединения непосредственного представительства¹⁹². При этом нельзя согласиться с его попыткой представить конфедерацию как одну из форм государственного устройства¹⁹³. Тем более, что он сам пишет об осуществлении конфедеративной структурой вспомогательной функции по отношению к организационным структурам государств – субъектов конфедерации, о том, что конфедеративная структура имеет как бы вторичный, надстроечный характер по отношению к государственной структуре, что проявляется, прежде всего, в приоритете непосредственных форм деятельности субъектов данного образования; в императивном мандате действия вновь созданной структуры; в рекомендательном принципе исполнения принимаемых решений, общеобязательность которых возможна лишь при их ратификации каждым государством – субъектом конфедерации¹⁹⁴. Аналогичную позицию занимает Д. А. Керимов, употребляющий без должного обоснования понятие «конфедеративное государство»¹⁹⁵.

¹⁸⁹ Тихомиров Ю. А. Государственность: крах или воскрешение? С. 17.

¹⁹⁰ См.: Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. С. 182–184.

¹⁹¹ Эсмен А. Общие основания конституционного права /Пер. с фр. СПб., 1898. С. 8.

¹⁹² Бутаков А. В. Нормативный структурализм и современное Российское государство. Методологическое исследование. Омск, 1996. С. 71. О конфедеративной форме см. также: Алексеев С. С. Государство и право. М., 1994. С. 47–48.

¹⁹³ См.: Бутаков А. В. Нормативный структурализм... С. 63, 69–72.

¹⁹⁴ Там же. С. 70.

¹⁹⁵ Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. Т. 3. С. 99.

Отсюда можно обоснованно относить современные конфедерации к надгосударственным объединениям, условно отделяя их от межгосударственных объединений. Не случайно Н. Назарбаев, предлагая прежним республикам ССР иметь «нормальные наднациональные координирующие органы» и подчеркивая, что «общий суверенитет – это выше, чем отдельный частный суверенитет каждого государства», полезнее, тем не менее, отрицал при этом опасность потери суверенитета¹⁹⁶.

По формально-юридическим признакам можно говорить о «глобальных» конфедерациях (Европейский Союз, Содружество Независимых Государств) и конфедерациях «локальных» (например, объединение в одних государственных границах Мусульмано-хорватской федерации с Республикой Сербской в Боснии). Были предметом дискуссий варианты конфедерации ГДР и ФРГ, Северной и Южной Кореи. К стабильности и миру ведет поиск аналогичного решения проблемы взаимоотношений Республики Молдовы и Приднестровской Молдавской Республики. Учитывая фактический отказ России в 1992–1997 гг. от своих обязательств перед Абхазией, добровольно вошедшей в состав России в 1810 г. и никогда о каком-либо выходе не заявлявшей, форма конфедерации может быть временным решением и проблем грузино-абхазских отношений. Тем более, что в 1921 г. независимая Абхазская Советская Республика уже заключала с Грузией договор, войдя в состав последней именно как союзная (договорная) ССР. Нельзя исключать и конфедеративное переустройство находящегося в состоянии многолетней гражданской войны Афганистана.

Отсюда еще один вывод: конфедерация по своим государственно-правовым признакам является либо первым этапом формирования единого союзного государства, от которого ее отличает «организованный юридический индивидуализм» (А. С. Яценко)¹⁹⁷ – приоритет политической и правовой систем государств – субъектов конфедерации перед общими системами, либо началом разрушения ранее существовавшей государственной общности (в этом направлении идет после 2000 г. развитие сербско-черногорской государственности). Критерием здесь является направленность изменений самого характера объединения государств – от международно-правового к государственно-правовому или наоборот.

¹⁹⁶ Назарбаев Н. «Не надо искать того, чего нет» // Независимая газета. 1994. 11 июня.

¹⁹⁷ См.: Дунаев В. И., Никитский А. А. Очерки науки о государстве. М., 1909. С. 172–174.

Глава 3

Виды территории

3.1. Формы территориальной организации общества и виды территории

Трудно не согласиться с Л. С. Мамутом в том, что подход к государству как к локализованной в пространственно-временных рамках определенной «людской совокупности», политической коллективности предполагает рассмотрение вопросов территориально-административного устройства, гражданства, пределов суверенитета данной публичной власти, государственных границ, межгосударственных отношений и т. д.¹⁹⁸. Отсюда следует важность осознания способности территории на саморазвитие, на ее трансформацию в те или иные формы.

Над закономерностями развития территорий задумываются крайне мало не только лица, олицетворяющие практику государственной деятельности (президенты, министры, депутаты), но и ученые – государствоведы, экономисты, философы, даже географы. Между тем история цивилизаций и государств в классической ее интерпретации есть сплав развития этносов и развития территорий.

Именно взгляд в прошлое цивилизаций позволяет говорить о всегда присущей человеческому обществу определенной территориальной организации, которую можно отнести к одной из следующих четырех форм.

1. **Семейная территория**, прежде всего территория расселения первобытной семьи. Реальность крайне неопределенная и историческими интерпретациями меняющаяся.

2. **Территориальная община**, предполагающая территорию охотничьего, земледельческого, а позднее и иного социально-производственного коллектива. Эта форма территориальной организации, развившаяся исторически из предыдущей, не только доминировала при первобытно-общинном строе, но с теми или иными изменениями остается первичной вплоть до настоящего времени, воплощаясь в элементах системы местного самоуправления. Не случайно А. Грамши противопоставляет средневековые итальянские государства, «имевшие тогда форму государства-города», территориальным государствам¹⁹⁹.

3. **Государственная территориальная организация**. Исторически осмысление территории, закономерностей ее правовых режимов происходило и происходит именно в рамках государственной территориальной организации через призму понятий «власть» и «государство». Это во многом объясняет и сложившуюся в теории государства классификацию территорий по видам.

4. **Надгосударственная территориальная организация**. С созданием властных органов государственных конфедераций Нового времени, а в XX в. – наделенных властными полномочиями высших руководящих органов объединений государств надгосударственные территориальные организации стали играть в жизни человечества все большую роль. В отличие от традиционных межгосударственных структур, в которых принятие решения и его исполнение осуществляются в соответствии с принципом единогласия (консенсуса), надгосударственные территориальные организации, такие как ООН или НАТО, предполагают наличие руководящих органов, в которых статус государств-субъектов существенно различен, а принятие реше-

¹⁹⁸ См.: Мамут Л. С. Проблемы теории государства... С. 45.

¹⁹⁹ См.: Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. Тюремные тетради / Пер. с ит. М., 1959. С. 125.

ний осуществляется не только консенсусом, но и иными способами. Впрочем, такое деление очень условно.

Если вплоть до позднего средневековья отношения между государством и территорией рассматривались как отношение верховного владения (*dominium eminens*), то с осознанием территории как пространственного предела государственного властвования и необходимого элемента самого государства стало вырабатываться понимание многообразия видов территории.

По основным видам правового режима территория подразделяется на три типа: государственную территорию, территорию с международным режимом и территорию со смешанным режимом²⁰⁰. Хотя подходы к классификации территорий различны.

Н. А. Ушаков выделяет земное и космическое пространства, подразделяя первое с точки зрения юридического статуса на две большие категории: пространство, составляющее территорию государств и каждого из них в отдельности, и пространство, находящееся вне пределов государственной территории (территорий)²⁰¹.

Английский правовед Я. Броунли говорит о четырех видах режима территорий: территориальном суверенитете; территории, на которую не распространяется суверенитет какого-либо государства или группы государств и которая имеет свой собственный статус (например, подмандатные и подопечные территории); *res nullius* (ничейной территории) и *res communis* (территории, принадлежащей всем)²⁰².

«Ничейную территорию» (*res nullius*) Я. Броунли видел как явление временное, поскольку она состоит из тех же элементов, что и территория государственная, она может юридически являться предметом завладения со стороны тех или иных государств, но по каким-либо причинам на нее еще не распространено территориальное верховенство.

Развитие общества требовало определенности в постоянном или временном статусе той или другой территории, и к середине XX в. сложилось несколько подходов к классификации территорий:

I. С позиции религиозного видения мира:

- 1) канонические территории;
- 2) миссионерские территории.

II. По правовому режиму в межгосударственных отношениях:

- 1) государственная территория;
- 2) международная территория;
- 3) территория со смешанным режимом;
- 4) территория с переходным режимом.

III. По конституционной позиции в национальном (внутреннем) праве:

- 1) территория государства в целом;
- 2) административная территория как часть государственной (территория административно-территориальной единицы, территория местного самоуправления, территория с особым правовым режимом).

3.2. Канонические и миссионерские территории

Совмещение любой формы территориальной организации общества с определенной религией порождает единственный вид территории, не подразумевающий государственно-властных отношений – каноническую территорию. Церкви как нравственно-рели-

²⁰⁰ См., напр.: Международное право. М., 1994. С. 71.

²⁰¹ Ушаков Н. А. Международное право: основные термины и понятия. Учебное пособие. М., 1996. С. 37.

²⁰² Броунли Я. Международное право: В 2 кн. Кн. 1. С. 173.

гиозные союзы выступают официальной формой религиозных общин – неотъемлемых принадлежностей человеческого рода. В этом смысле трудно согласиться с Г. Еллинеком в критике Рэма, отстаивавшего территориально-корпоративный характер евангелических местных церквей. Рэм исходил из основания, что всякий человек, исповедующий евангелическую веру, против своей воли принадлежит к церкви того же исповедания по месту своего жительства. Г. Еллинек резонно возражал, отмечая, что Рэм упускает из виду «существенную для территории функцию подчинения власти союза и пребывающих в пределах территории постоянных»²⁰³. Безусловно, применительно к иноверцам религиозная власть церкви на территории ее приходов отсутствует, но это не свидетельствует об отсутствии на таких территориях особенностей политико-правового режима. Не случайно в ходе многих политических революций ставился и решался вопрос об отделении церкви от государства, а Ватикан является осколком того религиозно-государственного устройства, при котором границы веры совпадали с границами цивилизованного мира, а часто – и с границами государств.

Структурообразующим принципом **канонической территории** следует определить даже не вероисповедный, а морально-этический. Патриарх Алексей II сформулировал его следующим образом: «Решения Соборов, Священного Синода, выступления Предстоятеля Церкви по церковным вопросам – это официальная позиция Церкви, которая должна быть ориентиром для клириков, состоящих в ее юрисдикции. Лица, имеющие иные мнения, по меньшей мере обязаны воздерживаться от публичного оглашения их»²⁰⁴. Территория, население которой, принадлежа к одной из мировых религий, в своей основной массе руководствуется этой нормой жизни, а светские власти такое отношение признают и защищают от воздействия других вероисповеданий, и может быть отнесена к каноническим. Структура такой территории, существующая параллельно структуре территории государства, не менее упорядочена и стабильна, благо и «в Церкви, построенной по иерархическому принципу, нет и не может быть никаких независимых от священноначалия структур и объединений»²⁰⁵.

В целом же религиозная (церковная) власть лишена принудительного элемента, без которого немислима власть государственная. На Церкви нельзя строить государства, категорично утверждал Л. А. Тихомиров, и сами мечты об этом – «не христианские, а принадлежат к области еврейско-талмудического мессианства»²⁰⁶. Точно так же и Церковь нельзя строить на государстве.

Исключения бывают в теократических государствах, где религиозный лидер стоит и во главе органов государственной власти. Но даже в этом случае каноническая территория не всегда совпадает с государственной, как правило, выходя за пределы последней.

Исторически каноническая территория как пространство доминирования определенного вероисповедания первична, подобно тому, как религиозные верования и обычное право предшествовали ныне существующим правовым системам. Но зарождение канонических территорий в современном их понимании может быть отнесено к периоду «воцерковления Римской империи», когда со времени Миланского эдикта 313 г. императора Константина христианская церковь стала не просто возвышаться над другими религиозными корпорациями, а обретать статус корпорации публичного права, наделенной рядом прерогатив государства²⁰⁷. Чего стоило установление особым эдиктом 321 г. празднования на всей территории империи воскресного дня. Правовые нормы государства вообще стали именно в тот период приближаться

²⁰³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. С. 383–384.

²⁰⁴ Обращение Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексея II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 16 декабря 1997 г. М., 1998. С. 15.

²⁰⁵ Патриарх Алексей. Войдите в радость Господа своего. Размышления о вере, человеке и современном мире. М., 2004. С. 68.

²⁰⁶ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 149–150.

²⁰⁷ См.: Логинов А. В. Власть и вера: Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005. С. 74–77.

законодательными актами к религиозно-нравственным принципам христианства. Церковная юрисдикция в Древней Руси изначально определялась княжескими уставами, первым из которых был Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных (X–XI вв.). Как справедливо отмечает А. В. Логинов, в древнерусской правовой мысли при рецепции византийских правовых норм государственные законы и церковные каноны не отделялись друг от друга²⁰⁸. В классическом католицизме государственная власть вообще была функцией Церкви, ибо Римскому епископу как Предстоятелю Вселенской Церкви давалась вся власть над миром.

В соответствии с решением IV (Халкедонского) Вселенского Церковного собора 451 г. территории принявших христианство варварских народов вне границ империи включались в ведение Фракийского, Понтийского и Азийского диоцезов Константинопольской патриархии. Территория Руси, например, включалась в состав Фракийского диоцеза, подчиненного непосредственно Константинопольскому патриарху.

При общей тенденции последних двух столетий отделять государство от церкви, существуют и современные конституционные гарантии в отношении статуса Церкви. Так, в Греции не только закреплено господство восточно-православного вероисповедания (ст. 3 Конституции), но и целая глава – гл. 3 разд. VI – регламентирует статус Святой горы Афон, которая управляется находящимися на ней двадцатью Святыми монастырями, между которыми поделен весь полуостров Афон, «территория которого не подлежит принудительному отчуждению» (ст. 105 Конституции).

В православном мире каноническая территория делится между автокефальными церквями, наследовавшими византийскую религиозную традицию. К ним относятся: Константинопольская, Албанская, Александрийская, Американская, Антиохийская (Сирия, Ливан), Болгарская, Иерусалимская, Грузинская, Кипрская, Румынская, Русская, Сербская, Чехословацкая, Элладская (Греческая) и др. Выделяют и три относительно самостоятельных автономных православных церкви, частично зависящих от автокефальных: Синайскую, Финляндскую и Японскую. Последние входят в юрисдикцию своих автокефальных церквей.

Аналогична ситуация в исламе, при всей сложности отношений суннитов и шиитов. Относительным исключением из общего правила является иудаизм. Территориально-канонические особенности иудаизма определяются тем, что еврейское право в отличие от других религиозно-правовых систем, создававшихся и развивавшихся единоверцами разных наций, есть ценность национальная, в которой ярко выражена сущность еврейского народа²⁰⁹. Ярким выражением религиозного и национального характера еврейского права является категорический запрет обращаться к нееврейским судебным инстанциям. Канонической территорией иудаизма может быть признана только территория государства Израиль, при особом режиме Святой земли для христиан и мусульман. Еврейские общины на территориях других государств, даже в случаях их значительной автономии, в иудаистскую каноническую территорию включаться не могут. В довершение сложности отметим, что при этом Израиль как государство не придерживается установлений Галахи (еврейское право), обязательных для иудаизма.

Миссионерские территории – антипод каноническим. Разделение относительно, ибо к миссионерским территориям могут быть отнесены как территории, где отсутствуют приходы всех мировых религий, так и территории, являющиеся каноническими для одной Церкви, но входящие в зону притязаний, а потому и миссионерской деятельности другой Церкви. С XVI в. миссионеры стали неизбежными спутниками торговли и завоевания, порой приводя конкурирующие церкви к прямым столкновениям.

²⁰⁸ Там же. С. 184.

²⁰⁹ Менахем Элон. Еврейское право / Пер. с иврита. СПб., 2002. С. 39.

Под прикрытием миссионерской деятельности или защиты (освобождения) канонической территории осуществлялись Крестовые походы, как в Землю обетованную, так и в славянские земли. После 1991 г. территория прежнего СССР стала объектом нашествия миссионеров различных религий и сект. Возражения Синода Русской православной церкви против визита в Россию и Украину Папы Римского Иоанна Павла II основывались именно на том, что между православной и католической церквями есть еще нерешенные вопросы, а территория Российской Федерации и Украины – каноническая территория Русской православной церкви. Перенос в 2005 г. из Львова в Киев митрополии Греко-католической церкви лежит все в том же деструктивном русле.

Вопросы регулирования миссионерской деятельности в Европе нашли освещение в Экуменической хартии, принятой в ознаменование наступления XXI в. Хартия не сняла споров и взаимных подозрений среди христианских церквей, прежде всего в связи с провозглашенным стремлением к «видимому единству» церкви. Но здесь следует резон и утверждения Л. Н. Гумилева о том, что история религии, как чуткий индикатор, отражает глубинные процессы социальной и этнической истории²¹⁰.

3.3. Государственная территория

Государственной территорией принято считать такую территорию, которая «находится под суверенитетом определенного государства, т. е. принадлежит определенному государству, осуществляющему в ее пределах свое территориальное верховенство»²¹¹. С позиций международного права государственная территория выступает как пространство осуществления верховной власти государства, подчиненное его исключительному господству²¹², как принадлежащая данному государству и находящаяся под его исключительной властью часть земного пространства, состоящая из суши с ее недрами, вод и воздушного пространства над сушей и водами,²¹³ а, например, Б. М. Клименко определил ее как территорию, которая «принадлежит в соответствии с общепризнанными принципами международного права определенному государству как субъекту международного права и в пределах которой политическая организация власти этого субъекта осуществляет свое верховенство»²¹⁴.

В состав государственной территории входят:

1. Сухопутная территория, т. е. вся суша в пределах государственных границ.

2. Водная территория, охватывающая:

а) внутренние (национальные) воды, включающие в себя морские воды, воды портов, воды заливов, берега которых принадлежат одному государству, если их ширина не превышает 24 морских миль, а также исторические заливы;

б) территориальное море – полоса прибрежных морских вод, ширина которых согласно Конвенции 1982 г. не должна превышать 12 морских миль.

Различие между внутренними и территориальными водами заключается в различных режимах плавания иностранных судов. На поверхность и недра дна территориального моря распространяется территориальное верховенство соответствующего государства. Недра, находящиеся под сухопутной и водной территорией государства, входят в состав его территории без каких-либо ограничений по глубине²¹⁵.

²¹⁰ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997. С. 144.

²¹¹ Международное право 1994 г. / Отв. ред. Ю. М. Колосов. В. И. Кузнецов. М., 1994. С. 71; см. также: Клименко Б. М., Порк А. А. Территория и граница СССР. М., 1985. С. 19.

²¹² См.: Курс международного права: В 6 т. Т. 2. Основные принципы современного международного права. С. 58.

²¹³ Курс международного права: В 6 т. Т. 3. Основные институты и отрасли современного международного права. С. 115.

²¹⁴ Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. С. 28.

²¹⁵ См.: Клименко Б. М., Порк А. А. Территория и граница СССР. С. 19.

3. Воздушное пространство над сухопутной и водной территорией, а также территориальным морем.

При рассмотрении территории как географической среды в ее состав фактически включают флору и фауну, естественные богатства, заключенные в недрах земли²¹⁶. А. Н. Талалаев, по существу, включает все это в понятие государственной территории²¹⁷. Следует согласиться с позицией Б. М. Клименко, который предлагает применять к фауне институт международно-правовой собственности и считать животный мир международно-правовой собственностью государства – субъекта международного права²¹⁸. Отсюда животные, как и вода, должны считаться собственностью того государства, в пределах которого они находятся, вплоть до момента их естественной миграции на другую территорию.

К спорным среди юристов-международников вопросам относится принадлежность кабельной территории, т. е. конструкций (кабелей), проложенных в открытом море.

Отдельного рассмотрения заслуживают государственные территории с особым правовым режимом, прежде всего те, на которых действуют исключительные законы, чрезвычайное или военное положение, а также демилитаризованные территории и территории, находящиеся в аренде или под оккупацией.

3.4. Международная территория

Международная территория – это пространство, на которое не распространяется суверенитет какого-либо государства. Она определяется также как территория, принадлежащая всем (*res communis*).

К международной территории традиционно относятся:

- открытое море;
- воздушное пространство над открытым морем;
- дно морей и океанов за пределами национальной юрисдикции;
- Антарктика;
- космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела.

К специальным органам, призванным обеспечивать правовой режим международной территории, относится, например, *Комитет ООН* по использованию космического пространства в мирных целях, учрежденный Генеральной Ассамблеей ООН в 1959 г.

3.5. Территория со смешанным режимом

Существуют территории, которые хотя и не входят в состав государственных территорий, но определенные государства имеют на них суверенные права. Речь идет о континентальном шельфе и морских экономических зонах, в отношении которых за каждым прибрежным государством закреплены права на разведку и разработку природных ресурсов прилегающих к нему континентального шельфа и экономической морской зоны, а также на охрану природной среды этих территорий (Конвенция о континентальном шельфе 1958 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.).

Континентальный шельф и морские экономические зоны образуют территории со смешанным правовым режимом.

²¹⁶ См.: Курс международного права: В 6 т. Т. 2. С. 58.

²¹⁷ Талалаев А. Н. Природные богатства – под защиту международного права // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 161.

²¹⁸ Клименко Б. М. Государственная территория. Вопросы теории и практики международного права. С. 160.

3.6. Территория с переходным режимом

Территории с переходным правовым режимом, так же как и предыдущие, относятся к сфере международного права. Среди них: несамоуправляющиеся территории, подмандатные и подопечные территории, территории с неопределенным статусом, ничейные территории, а также территории, в отношении которых осуществляются совместные суверенитеты, прежде всего кондоминиум.

К территориям с переходными режимами относятся существовавшие ранее колониальные территории, протектораты и доминионы.

3.7. Административная территория

Конституционное право многих стран мира употребляет понятие «территория» применительно к своему внутреннему устройству. При этом речь идет не о территории государства в целом, а об административной территории как части государственной (о территории административно-территориальной единицы или о территории местного самоуправления).

В ст. 3 Федерального конституционного закона Австрийской Республики от 10 ноября 1920 г. было записано, что территория этого государства включает в себя территории самостоятельных земель (субъектов Федерации). Аналогичная норма закреплена многими другими конституциями. Так, в соответствии со ст. 67 Конституции Российской Федерации ее территория включает территории ее субъектов. При этом ст. 9 Конституции России провозглашает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются «как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», а ст. 131 Конституции, еще более расширяя содержание понятия «территория», гласит, что местное самоуправление в России осуществляется «в городских, сельских поселениях и на других территориях» с учетом исторических и иных местных традиций. И далее: «Изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий».

В США территориями изначально назывались все области, не имевшие в отличие от штатов, самостоятельного правительства и управлявшиеся непосредственно администрацией США. Практика шла по тому пути, что все штаты, за исключением первых тринадцати, а также Техаса, Калифорнии и Западной Виргинии, были сначала территориями. Так, в 1876 г. среди отдельных административных территорий было восемь организованных территорий (Айдахо, Аризона, Вайоминг, Вашингтон, Дакота, Монтана, Новая Мексика, Юта) и две в тот момент еще неорганизованные территории (Аляска и Индейская территория).

Организованная административная территория управлялась на основе специальных законов, принятых федеральным конгрессом. Во главе исполнительной власти стоял назначаемый президентом США губернатор, ответственный перед федеральным правительством. Представительные органы государственной власти избирались населением, иногда имея право преодолеть вето губернатора на свои решения. Судьи назначались президентом США. В выборах президента США такие территории участия не принимали. С ростом численности населения и формированием социально-экономической инфраструктуры организованные территории добивались принятия их в число штатов. Иногда этот процесс был длителен. Так, неоднократные обращения к федеральному конгрессу со стороны территории Юта долго оставались без ответа, поскольку конгресс добивался предварительной отмены на этой территории многоженства.

Неорганизованные административные территории США, ныне не существующие, управлялись назначенной президентом США администрацией и не имели собственных органов народного представительства (законодательных собраний).

Во французском административном праве среди юридических лиц, подчиненных режиму публичного права, помимо государства и государственных учреждений существует понятие территориального коллектива (ст. 72 Конституции Франции). Территориальные коллективы во Франции – это регионы, которые находятся между национальным уровнем – государством и местными уровнями – департаментами и коммунами²¹⁹. Территориальный коллектив как разновидность административной территории подчиняется общим принципам управления. Территориальные коллективы во Франции делятся на два вида: во-первых, коммуны, департаменты и регионы, подпадающие под действие норм общего права, и, во-вторых, коллективы Парижского региона, Корсика, заморские департаменты и территории – т. е. те, что имеют особый статус. Признаками территориального коллектива (а такое его определение стало традиционным с конца XVIII в.) принято считать его особый статус, территориальную подведомственность и общее целевое назначение²²⁰.

От Франции идею территориальных коллективов унаследовал Алжир, национальное право которого определило коммуну как первичный территориальный, политический, административный, экономический, социальный и культурный коллектив (ст. 1 Ордонанса № 67–24 от 18 января 1967 г., содержащего Коммунальный кодекс). Кроме того, здесь введено понятие вилайи как публичного территориального коллектива, наделенного правами юридического лица и финансовой автономией (ст. 1 Ордонанса № 69–38 от 23 мая 1969 г., содержащего Кодекс вилайи).

²¹⁹ Брэбан Г. Французское административное право / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1988. С. 89.

²²⁰ Подробнее см.: Там же. С. 89—123.

Глава 4

Состав территории

4.1. Состав и структура территории, их части и элементы

Если **состав территории** характеризует ее геолого-географическое строение, то **структура территории** показывает ее строение в политико-правовом смысле. Территориальное верховенство государства распространяется на все составные геолого-географические части его территории, которая включает в себя сухопутную и водную части, земные недра и воздушное пространство. Таков же в целом состав других видов территории. Особняком выделяется арктическая территория. Каждая из частей состава территории имеет свои особенности правового регулирования.

Прежде чем приступить к их рассмотрению, отметим, что указанные части территории образуют ее состав так же, как элементы территории – совокупность конкретных единиц территориального устройства – образуют ее структуру. Разграничительную линию между категориями элемента и части провести невероятно затруднительно, а порой и невозможно. В ряде случаев элемент и часть оказываются синонимами. Но все же, как это проанализировано и показано Д. А. Керимовым, эти категории выполняют в философии права не тождественные гносеологические функции. Специфика категории части состоит в том, что часть является таким компонентом целого, вне которого эта специфика исчезает. Самостоятельное существование части превращает ее в отдельное, хотя и лишая при этом специфических особенностей как компонента целого. Специфика элемента состоит в том, что он является необходимым атрибутом структуры: без элементов нет структуры, без структуры нет элементов²²¹. И вообще, целое существует только при наличии общей структуры, «объединяющей отдельные элементы и накладывающей свою печать на сами эти элементы»²²². Правда, Д. А. Керимов завершает свой анализ выводом, что элемент – та же часть целого, рассматриваемая с точки зрения ее связи с другими частями данного целого и с самим целым, «характеристика части со стороны того его свойства, которое превращает различные части в единое структурное целое»²²³.

В определенной мере этот анализ может быть отнесен на понятия состава и структуры территории. Элементы структуры территории – территориальные единицы – в своем раздельном существовании содержательно однотипны, даже при различии правовых режимов на территории того или иного из них. Части территории различаются принципиально своими пространственными и физико-геологическими характеристиками даже при единстве правового регулирования. Для элементов структуры именно политико-правовой фактор выступает их разграничителем, а потому они могут быть отнесены к субъективной стороне характеристики территории. Степень устойчивости структуры зависит от характера самого целого, т. е. территории. Для той или иной части состава территории разграничителем выступают объективно существующие, не зависящие от воли человека природные качества территории.

И, наконец, если структура территории выступает как внутренняя форма целого (территории), а потому является категорией субстанционального, содержательного порядка, то состав территории характеризует целое извне, причем категория части территории выражает не всеобщие свойства территории, а лишь те, носителями которых является соответствующая часть.

Рассмотрим отдельные части состава территории.

²²¹ Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства: В 3 т. Т. 2. Философия права. М., 2002. С. 125–126.

²²² Свидерский В. И. Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964. С. 6.

²²³ Керимов Д. А. Проблемы общей теории права и государства. Т. 2. С. 128.

4.2. Сухопутная территория

Сухопутная территория – это вся суша, находящаяся в пределах границ государства. Статус сухопутной территории как поверхности земли, очерченной границами государства, охватывает отдельные части территории, окруженные территорией других государств (анклавы), и острова, омываемые водой. В понятие сухопутной территории входят и недра, расположенные ниже почвенного слоя и дна находящихся на суше водоемов.

Именно по сухопутной территории определяются официальные размеры государства, протяженность сухопутных и морских границ.

Так, Советский Союз определялся в качестве крупнейшего в конце XX в. государства по территории потому, что занимал почти 1/6 часть обитаемой суши земного шара, или 22,4 млн кв. км. Даже после разрушения СССР Российская Федерация остается самым большим государством планеты.

Крупнейшие по сухопутной территории государства мира:

Россия – 17 млн кв. км

Канада – 9,9 млн кв. км

Китай – 9,6 млн кв. км

США – 9,4 млн кв. км

Бразилия – 8,5 млн кв. км

Австралия – 7,7 млн кв. км

Индия – 3,3 млн кв. км

Аргентина – 2,8 млн кв. км

Казахстан – 2,7 млн кв. км

Среди *самых маленьких по сухопутной территории государств* мира лидирует, безусловно, располагающийся в западной части Рима Ватикан с территорией в 0,44 кв. км.

К государствам-лилипутам относятся прежде всего островные государства типа Республики Науру с территорией в 21 кв. км, Тувалу, расположенное на 9 островах и атоллах в юго-западной части Тихого океана (территория – 26 кв. км), Мальдивская Республика (территория около 300 кв. км), Мальта (территория 316 кв. км), Барбадос (430 кв. км), Антигуа и Барбуда в Вест-Индии (территория 442,6 кв. км), Антильские острова (821 кв. км) и др.

Но небольшие по территории государства есть и на материках. Можно назвать княжество Монако (территория около 2 кв. км), бывшие колонии в Индокитае Макао – Аомынь (16 кв. км) и Сингапур (619 кв. км), а также Республику Сан-Марино, полностью окруженную территорией Итальянской Республики (территория 61 кв. км), Лихтенштейн (территория около 160 кв. км), Андорру (465 кв. км) и др. А территория находящегося под британским управлением Гибралтара составляет всего 6,5 кв. км.

Сухопутные территории государств очень различаются по своей форме. Так, Республика Чили имеет территорию 756,9 тыс. кв. км, протянувшуюся узкой полосой вдоль Тихоокеанского побережья Южной Америки на 4300 км, а такие государства, как Украина (603,7 тыс. кв. км), Франция (551 тыс. кв. км), ФРГ (356,3 тыс. кв. км), Белоруссия (207,6 тыс. кв. км) расположены компактно, единым массивом. Особая ситуация с государствами-архипелагами, такими, как Индонезия (1904,5 тыс. кв. км), Япония (372,2 тыс. кв. км). Филиппины (300 тыс. кв. км), несмотря на островное расположение, к государствам-архипелагам не относится.

4.3. Водная территория

Водная территория включает:

а) внутренние (национальные) воды, т. е. собственные воды государства (национальные реки, озера, каналы, внутренние моря), а в случае государства-архипелага – его архипелажные воды;

б) внутренние морские воды;

в) пограничные воды, т. е. воды рек, озер и каналов, по которым проходит государственная граница;

г) территориальное море.

Национальные реки – это реки, от самого истока до устья находящиеся в пределах одного государства.

Несудоходные реки, протекающие по территории нескольких государств, считаются находящимися в раздельном господстве прибрежных государств. Правовой режим пограничных рек устанавливается соглашениями сопредельных государств.

Реки, которые протекают через территории нескольких государств и доступны для судоходства, называются **международными** и подчинены правилам свободы судоходства.

Каналы – искусственные водные пути – считаются находящимися под исключительным господством одного государства в том случае, если они ограничены с обеих сторон сухопутной территорией этого государства. (Как исключение, Версальский договор предусмотрел международный режим для Кильского канала, проходящего по германской территории.)

Внутренние озера и внутренние моря – это водные пространства, которые со всех сторон окружены сушей или не находятся в судоходном соединении с морем. Такое водное пространство находится в раздельном господстве прибрежных государств. За такими редкими исключениями, как режим Каспия согласно Туркманчайскому договору России с Персией 1828 г., предусмотревшему исключительное господство России – по существу режим внутреннего моря – над Каспийским морем (озером). Этот привилегированный для России правовой режим был отменен договором РСФСР и Персии от 26 февраля 1921 г.

Принятый в 1998 г. Закон РФ «О внутренних водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» № 155-ФЗ (с изм. 2003 и 2004 гг.) значительно уточнил и расширил понимание правового режима водных элементов территории.

Внутренние морские воды, как определил Закон РФ 1998 г., – это воды, расположенные в сторону берега от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря. К внутренним морским водам относятся воды:

– портов Российской Федерации, ограниченные линией, проходящей через наиболее удаленные в сторону моря точки гидротехнических и других постоянных сооружений портов;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.